

ВОЕНТОРГ
СКЛАД №1

Рафазль Дамиров

4

КУРСАНТ

НАЗАД В СССР

Рафаэль Дамиров
Курсант. Назад в СССР 4
Серия «Курсант: Назад
с СССР», книга 4

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70035196
Рафаэль Дамиров. Курсант: Назад в СССР 4:

Аннотация

В далеком 1978 году попаданец Андрей Петров по прозвищу Курсант обезвредил маньяка-душителя. Он обрел друзей и делает карьеру в местном УВД, твердо намереваясь поступать в Новоульяновскую школу милиции. Казалось, что жизнь, наконец, вошла в размеренное русло. Но судьба снова преподносит испытания...

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	59
Глава 6	72
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Рафаэль Дамиров

Курсант: Назад в СССР 4

Глава 1

– Проходи, увидишь, – загадочно улыбнулась мать.

Я разулся и поспешил на кухню. За столом, заставленным нехитрой закуской, сидел... Я замер, раскрыв рот. В первое мгновение не смог ничего сказать... Я сразу узнал его. Он улыбнулся и встал мне навстречу, распахивая объятия:

– Ну здравствуй, сынок...

Я подошел к совершенно чужому человеку, но почему-то внутри проснулось неведомое чувство. Будто знал я его всю жизнь, будто родная кровь. Удивительно, но я его вдруг вспомнил.

Только раньше он был немного другим. Не поблескивали седины на вьющихся, как у молодого Ильича, волосах. Меньше было морщин, и лицо было не такое худое. А вот очки были всегда. По работе ему никак без очков, писарь же.

Стоп! Откуда я знаю, что он журналист? Видно, знакомый образ помог пробудить глубины памяти реципиента. Да! Точно! Мой отец – акула пера. Все это пронеслось в моей голове за секунду, пока я подходил к нему.

Он сграбастал меня в объятия. Для мужика под пятьдесят

отец выглядел слишком стройным. Даже худым. Но объятия по-мужски крепкие. Ростом батя оказался на полголовы ниже меня. Одет неброско, но опрятно.

– Ого – воскликнул он, чуть отстраняясь от меня, держа за плечи и разглядывая. – Какой ты здоровый стал, Андрюха! Глазам не верю! Ты ли это?

– Ну ты бы еще лет через десять приехал, – вставила веское слово мать. – Совсем бы не узнал. На двух работах вкалывала, чтобы тянуть. Зато сейчас сынок работает. А ты явился, как всегда, на все готовенькое.

В голосе матери не было злобы, а лишь грустный упрек. Она тоже светилась и радовалась возвращению папаши. Хоть при мне и старалась это сильно не показывать.

– Прости, сынок, на пять лет вас бросил. Не по своей воле. Все расскажу. Но, черт побери, как же ты вымахал! – он снова меня обнял. – Садись, выпить не предлагаю, мал еще. Или можно по чуть-чуть? – хитрые серые глаза уставились на мать, а жилистая рука потянулась к бутылке «Беленькой», которая уже была наполовину пуста.

Мать нахмурилась и неодобрительно глянула на отца. Для нее я до сих пор был абсолютно непьющим юнцом. Даже сейчас она не заметила, что я немного подшофе после встречи с друзьями. Употреблял я нечасто. Пару-тройку раз в месяц, по случаю, и до сих пор как-то удавалось особо не афишировать это перед матерью.

– Да ладно тебе, Поля, – отец взял жену за руку. – Батя

вернулся. Стопку можно. Уже в милиции работает, сама говорила. Совсем большой. А менты бывают либо честные, либо непьющие. Так что выбирай, кто у нас сын.

– Явился через столько лет! – продолжала упрекать мать, но делала это, скорее, по инерции, нежели по необходимости. – Где тебя носило? Я похоронила тебя уже давно. Вещи в комиссионку все твои сдала. Злая на тебя была. Ни письма, ни телеграммы за столько времени.

– Не мог я в город вернуться, сама знаешь, что крышка мне бы была. И писать боялся, чтобы вас не подставлять. Так и рассчитывал, чтобы забыли вы меня. Из жизни вычеркнули. Но все изменилось...

– Ладно, я спать, – мама покачала головой и чмокнула нас по очереди. – Вы еще посидите поговорите, но долго не засиживайтесь. Еще успеете наговориться. Вся жизнь впереди.

– Спокойной ночи, Полина, – отец подмигнул ей. – Сильно крепко не засыпай. Мы еще немного отпразднуем мое возвращение, и я скоро приду. Одеялком укрою.

Мать ушла в комнату, прикрыв на кухне за собой дверь, а отец, понизив голос, заговорщически продолжил:

– Слава богам и другим генсекам, что все благополучно разрешилось, и моя многострадальная тушка наконец очутилась в родных пенатах, чтобы спокойно лицезреть любимого сына. Фу-ух, сынок, еще не привык, что ты взрослый мужик... Ну, скажи что-нибудь!

– Почему ты не мог вернуться раньше? – я с любопыт-

ством разглядывал отца, пытаясь понять, что он за человек.

Мозолистые ладони и заскорузлые пальцы – явно не от журналистской работы. Одет в затертый спортивный костюм, который когда-то был синим, а сейчас выцвел и поблек. На алкаша или другого несознательного элемента он совсем похож не был. Скорее, на партизана или ссыльного, которому много лет приходилось жить в глуши и прятаться от властей.

Отец поморщился, в глазах его промелькнула злость. Но она быстро сменилась на хмельное радушие. Не мог он долго злиться при сыне:

– Чертов Гоша столько лет охотился на меня, а когда пришел, то почему-то вдруг предложил мировую. Не он сам, конечно, а его люди меня достали. Бывает же такое. Получается, зря я под Красноярском на таежной заимке комаров кормил? Остыла его вражда за лета.

– Гоша? – челюсть моя отвисла и не хотела вставать на место.

Отец, воспользовавшись моим замешательством, плеснул мне полстопки.

– Гоша Индия! – отец поднял свою стопку навстречу мне. – Скверный мужик и мстительный. Одноклассник мой. Всю жизнь по темной дорожке кривенькой путь держал. Зуб на меня точил. Я же Полину у него в старших классах увел, – отец с гордостью упомянул мать. – Но и я не промах. Когда он еще фарцовщиком зеленым был, я его дружинникам сдал.

Потом Гоша валютой занимался, я уже в газете работал, так я про его тайные точки в криминальной хронике написал. Много у меня информаторов тогда было. После статьи точки эти все и накрыли, а Гоша выкрутился. Не сдали его посредники, побоялись. А я – я не боялся и продолжал воевать с ним. Уже потом, когда он совсем развернулся, я про его подпольный катран статейку накидал, пять лет назад это было. Скандал был тогда знатный. Главный редактор в отпуске был, и я вместо него газетой местной рулил. Не упустил момент. Сам свой материал выпустил в печать. Что тогда началось!

Отцу явно не терпелось выговориться, слова о той давней истории высказывали один за другим:

– Пришли люди в серых костюмах и заставили опровержение писать, гады. Дескать, в советском городе нет и не может быть никаких подпольных казино! Представляешь? Но я-то сразу понял, что контора с Гошей заодно. Делишки у них общие, наверное. Зачем-то же вступились они за катран. Послал я их куда подальше и с работы уволился. Думал, в грузчики пойду или, на худой конец, учителем. Но гады мне жизни не дали. Репутацию такую мне сделали, что даже в дворники бы не взяли. А тут еще бандюки Гошины меня в лес вывезли и хотели прикопать в чаще. Дали лопату, чтобы могилу рыл. А сами сигареты смолили и меня матюгали, поторапливали. Мол, скоро матч футбольный по первому начнется, им надо похоронные дела до трансляции успеть закон-

чить. Только это я с виду хлипкий. Даром что журналист. Я ведь в студенчестве многоборьем занимался. Вдарил я лопатой по башке одному, второму по хребту огрел. Они думали, раз писака, значит, мужик никакой, квелый совсем, и пистолеты доставать не нужно вовсе. А потом поздно было. Отходил я их лопатой и деру. Вот с тех пор и прятался. И от конторы, и от Гоши. Думаю, мои похороны они между собой согласовали и на венок вместе скидываться собирались.

Родитель замолчал и занялся бутербродом, предпоследним на тарелке. Я все еще не сводил с него внимательного взгляда.

– Это вряд ли, – покачал я головой. – Гоша сам не знал, что контора его крышует. А тем катран нужен как источник оперативной информации. Клиенты в казино интересные ходят. От фарцовщиков до номенклатурщиков и разного рода хозяйственников. Все сферы у Гоши в катране концентрируются. Как на ладони становятся. У конторы свои люди там – в картишки наравне со всеми играют и беседы ведут неприкрытые с прорывавшимися управленцами и другими не совсем законопослушными гражданами. За веселой игрой много чего интересного можно выведать. Информационный клондайк получается.

– А ты откуда все это знаешь? – от удивления отец даже забыл, что нужно огурец соленный, который он на вилку низал, в рот положить. Так и замерла его рука с закуской в воздухе.

Я вдруг вспомнил слова Гоши, которые он произнес в ту ночь, когда его головорезы похитили меня и привезли к нему на дачу: «Ты сын своего отца. Яблоко от яблони... Ты такой же, как он. Даже хуже. Умеешь притворяться. Казаться слабым. Выжидаетшь момент и бьешь первым»...

Оказывается, с моим отцом у них старые счеты. Но катала ничего мне про это не говорил. И, естественно, не рассказывал, что искал его. А моя мать в школе встречалась с Гошей, получается? Тогда почему, когда он звонил мне на домашний, она его не узнала? Наверное, в школе его звали не Гоша, а как-то по-другому. Гоша Индия – это его прозвище. Все забываю у него спросить, почему «Индия»? Вот блин... Теоретически Гоша мог стать моим отцом? Хотя нет. Там был бы уже другой человек. А теперь, получается, Гоша забыл про давнее соперничество и простил отца. То-то вчера в ресторане он сказал, что стал сентиментальным. Я тогда не понял его слов. А теперь все встало на свои места. Он так ничего и не рассказал мне про отца. Сказал, что это будет сюрприз для меня, и что скоро я с ним встречу. Но, что настолько скоро, я никак не ожидал.

Я рассказал отцу в подробностях про свою насыщенную жизнь за последние несколько месяцев. С момента окончания школы и до сегодняшнего дня. Почему-то интуитивно был уверен, что ему можно доверять. Человек он, конечно, неоднозначный, но честный. Это чувствовалось.

С каждой моей фразой глаза его становились круглее, а

не по-мужски аккуратные брови все выше заползали на лоб. Иногда он тряс головой и энергично потирал виски, будто проверял, не сон ли это.

– Погоди! – отец налил себе еще, а меня пропустил. – я правильно понял? Ты поймал маньяка? Того душителя, что прогремел на весь Союз?

– Ну, я был не один, целая команда. Но задержал его я. Правда, не совсем живым.

– С ума сойти! – отец опрокинул стопку, крикнул и захрустел огурцом. – А в милицию тебя взяли после нападения во дворе трех головорезов? На которых думали, что они от Гоши? Так?

– Да, они караулили меня в подъезде, когда я возвращался ночью от Зины Роговой.

– Стоп! Ты встречался с дочерью Гоши?

– Было дело...

– Ну, сын. Ну ты даешь! Ого... А потом тебя, получается, спасли конторские? Хулиганов разогнали, но не догнали и не задержали? И в милицию тебя пропихнули, чтобы Гоша, якобы, тебя не достал?

– Ну да.

– Не стыкуется, сын. Если напавшие были не от Гоши, конторские всяко бы это знали. В конце концов, они могли их поймать. Пистолеты им для чего были даны? Тебя даже порезали, так что, сам понимаешь, имели право ребятки оружие применить.

– Ты думаешь, что...

– Именно, сын! Это их люди на тебя напали. А они типа спасли... Постановка, как на Бродвее.

– Но зачем?

– Чтобы ты сговорчивее был и сразу согласился в ментовку пойти работать.

– Все равно не пойму, какой им резон в этом. Я бы и так туда пошел.

– Все просто! Ты сын опального журналиста в бегах. Меня найти не смогли. Но со счетов меня не скинули – видно, опасались, что еще что-нибудь такое выдам, от чего многие головы полетят. Я бы так и сделал, но побоялся, что на вас это отразится – при этом он очень гордо, хоть и с горечью посмотрел на меня. – У нас же как принято? Пресса должна быть шестеренкой в идеальном госмеханизме. Элита политическая образовалась мощная, чтоб холера ее взяла, и это при нашем-то задекларированном равенстве. А мы, простые журналисты, должны были их обслуживать и народ ублаживать, но для напускной справедливости культ личности было разрешено развенчивать, а тех, кто сейчас застоялся у власти, трогать никак нельзя. И еще пресса просто обязана прославлять советского гражданина, который всегда честен и непреклонен, на целую голову выше бездуховных представителей прогнившей европейской цивилизации. Ты послушай, что сейчас по радио крутят? Только успехи и перспективы СССР. Но не все так гладко у нас в Союзе, сын. Только

об этом никто не говорит.

Я кивнул, и это отцу понравилось. Понял, что сын тоже не через радужные очки на жизнь смотрит.

– А я не молчал, пока молодой был. А потом ты родился, и я немного приутих. Но под колпаком так и остался. Бдили за мной люди из здания с горгульями. А ты, получается, после окончания школы перед ними сразу и засветился. Валютчиков задержал, участкового полем-лесом отправил, дебоширов в вино-водочном наказал. Избил подручных Гоши Индия возле пивбара. После вскрыл мухлеж в катране и пытался опять же вывести шулеров на чистую воду. Поняли конторские, что яблоко от яблони, и устроили тебя в милиции. Ты там как рыбка в аквариуме стал – у всех на виду, и энергию свою с пользой тратить будешь. Так проще контролировать Петровых. И сына, и отца. Знают, что я ва-банк не пойду, пока сын в органах работает.

– Ты хочешь сказать, что нападение на меня было инсценировкой?

– Скорее всего. Сам подумай, если это был не Гоша, то кто? После того случая никто же на тебя не покушался больше?

– Нет.

– Вот и ответ на твой вопрос. Не смогли нас придушить, так к себе на службу взяли. Хитро придумали. Молодцы...

– Вообще-то я всегда хотел работать в милиции.

– Сказать честно, я бы такого не предположил, нигде в

тебе мента тогда видно не было. Впрочем, это ж когда, пять лет назад... Тем более, вот и сообразили они, как тебя под лупой держать. Но теперь ты, конечно, герой и поступками доказал, что диссидентствовать совсем не собираешься, на баррикады не полезешь. Вот и отстали они от тебя. Больше не наведываются. А я за пять лет своей «безупречной» жизни ни одной статьи не накропал. На золотом приiske спокойно сторожем проработал. Пока однажды меня подручные Гоши не нашли и не сообщили, что хозяин их претензий вдруг ко мне не имеет и все старое готов забыть, если катран я его больше славить не буду и вообще забуду про его делишки. Я, конечно, же сразу согласился, это же билет домой. Ехал сюда и думал, что подвох какой-то. Все ждал от Гоши пакости, а оно вон как все получилось. Вы теперь, стало быть, чуть ли не друзья стали с врагом моим прошлым. Вот как в жизни-то бывает.

Он тяжело вздохнул. Я задумался. А ведь отец прав. Сколько времени я голову ломал, соображая, кто на меня тогда напал в темном подъезде. Если бы меня действительно хотели тогда бандюки убить, то им проще было бы вальнуть из ствола в темном дворе. И конторские так удачно вдруг нарисовались. Теперь пазл сложился.

Получается, что слава батина конторским покоя не давала, и во мне они тоже угрозу увидели. Перевербовали, так сказать на сторону правоохранительную и светлую. Но на такую сторону я и сам бы хоть сейчас заново завербовался.

Мент я и есть. И вербовать меня не надо. Диплом еще бы получить, и тогда спокойно работать можно.

– Н-да-а... – я поскреб макушку. – А ведь ты прав. Но это и хорошо. Теперь нам нечего опасаться. Или ты опять хочешь за старое взяться? С ветром бороться тяжело в одиночку.

– В журналисты мне точно путь закрыт, – отец хитро прищурился. – Дворником пойду. Или, может, сразу алкашом стать? Чего время терять?

– Мне тут, кстати, «Волгу» подарили, получается, что ей тоже лучше не отсвечивать. Давай как-то сделаем, что это ты ее купил. Заработал на северах денег и купил, да мне подарил. Через кооператив все как надо оформим.

– «Волгу»? Как это – «Волгу»? Кто подарил?

– Гоша.

Отец уже начал привыкать удивляться моим рассказам, но в этот раз чуть не упал с табурета.

* * *

Субботнее утро началось непривычно громко. Проснулся я не от вкрадчивых шагов матери, которая обычно, стараясь не шуметь, все равно скрипела половицами, а от громкого смеха на кухне. «Молодые» снова были вместе и радовались новому дню. Судя по веселому голосу, отец травил какие-то истории и шутил, а мать смеялась. Давно я не видел ее такой

счастливой. Точнее сказать, нынешний я никогда ее такой не видел. Получается, что я продолжал менять судьбу. Семья воссоединилась благодаря тому, что я помог Гоше.

Слушая их голоса, я ясно понял, что пора подумать мне и о своем жилье. Комнату в общежитии в МВД попросить, что ли? По возрасту мои родители младше меня тогдашнего получаются. Как-то несподручно мне с ними теперь жить. Мать одну я оставить не мог, не поняла бы она такого. Да и поддержка ей была нужна. А теперь можно и покинуть гнездо. Хотя я был их и старше, но называть родителями меня не коробило. Даже наоборот. Как-то грело душу. Теперь я не бывший детдомовец, а настоящий сын. Я чувствовал их родную близость. И, вроде бы, я не тот самый Андрей Петров, а человек с другим сознанием, но генетика штука сильная. Зов крови и голос предков, так сказать, никто не отменял.

Я встал и побрел в ванную. Мельком заглянул на кухню. Мать топталась у плиты, а отец что-то ворковал ей на ушко. Та хихикала и жалась к нему. Я сделал вид, что ничего не видел, прошел мимо и погромче хлопнул дверью в ванной.

– Доброе утро, Андрюша! – донесся с кухни мамин голос. – Завтракать будешь?

В квартире пахло домашним уютом, семьей и сырниками со сгущенкой...

Глава 2

– Разрешите? – я постучался и открыл дверь в кабинет начальника кадров. – Вызывали, Василь Василич?

– А, Петров! – важно зашевелил кадровик черными усами, как Чапай перед атакой. – Входи. Тут такое дело... К нам в УВД приедет журналист. Да не простой, а спецкор «Комсомолки». Сегодня из Москвы прилетает. Будет писать статью про Новоульяновского душителя. С тобой хочет встретиться. Побеседовать, что, да как.

– Хорошо, поговорю с ним.

– Ты не понял, Андрей Григорьевич, – с назиданием проговорил майор. – Что ты ему расскажешь? Это надо тщательно продумать. Газета-то всесоюзная.

– И какие будут пожелания?

– Нужно ему поведать, как весь наш личный состав Новоульяновского УВД день и ночь боролся с маньяком. И обезвредил его.

– Так почему вы сами этого не расскажете? – пожал я плечами. – При чем здесь я?

– Так ты же у нас герой. Но, сам понимаешь, как-то неправильно это будет выглядеть в масштабах страны. Граждане могут не так понять.

– Почему? – я смотрел, как майор дергал ус, подбирая слова.

Хитрый лис напрямую не говорил, а зашел издалека.

– Потому что, Петров, что тогда получается? Из Москвы к нам следователь прокурорский приехал и организовал расследование. Маньяка ты прищучил. И папашку, подельника его, тоже. А в чем тогда роль советской милиции? Выходит, что все наше управление можно заменить следователем и слесарем? Нехорошо как-то. Согласен?

– Не совсем. Гагарин тоже один летал, но это не значит, что другие советские космонавты не в почете и никому не нужны.

– Тут тебе не Луна, Петров, а управление внутренних дел. И с нас спросят за весь этот космос!

– На Луну американцы летали, но я вас понял, товарищ майор. Скажу журналистам, что действовал под чутким руководством начальника управления и его замов. Даже вас, Василь Василич, могу упомянуть.

– Ну, это лишнее, – как-то неуверенно проговорил кадровик. – Но если будет к месту, то ничего против не имею. Так и быть. Упомяни.

Майор бросил взгляд на наградные планки, притороченные к его кителю. Давненько они не пополнялись новыми наградами. А судя по его всегда «парадному» виду (китель цацками увешан, как мундир у Суворова, только что звезды на значках без бриллиантов), медали он любил.

– Хорошо, – я хитро прищурился и протянул кадровику лист. – Только у меня к вам тоже просьба небольшая будет.

Мне бы комнату в общежитии МВД получить. Я вот рапорт написал даже. Но сказали, что визу с ходатайством нужно на нем поставить от имени начальника кадров.

– А зачем тебе комната? – нахмурился майор. – В квартире плохо?

– Отец у меня вернулся, что без вести пропавшим числился. Несподручно мне с родителями в таком возрасте жить.

– Отец? – Криволапов поправил густую шевелюру. – А мы в анкете указали, что только мать у тебя, надо данные его срочно вписать и запросы отправить на него по-быстрому, дело на поступление в школу милиции уже сформировано, считай. По спецпроверкам с отцом твоим точно проблем не будет? Не сидевший? А то забреют твою кандидатуру.

– Все нормально, он не зэк. Просто решил на время сменить обстановку. Судимостей не имеет, перед законом официально чист, – про тёрки с конторой и скандал в местной прессе пятилетней давности я, конечно же, промолчал.

– Ну и ладненько, только комната тебе отдельная, Петров, не положена. Не буду я писать ходатайство. Семейным комнаты дают или сиротам. А у тебя прописка родительская имеется и обеспеченность жилплощадью нормам соответствует. Стало быть, в улучшении жилищных условий ты не нуждаешься.

– Да как же не нуждаюсь? А если жениться надумаю?

– Вот принесешь свидетельство о браке, тогда и поговорим.

– Ясно... А когда, говорите, журналист придет?

– Сегодня вечером.

– Извините, товарищ майор, но до вечера я могу забыть, что там ему говорить про наше славное УВД. Вот если бы вы ходатайство черкнули... Обещаю, я бы тогда постарался назубок выучить до вечера все ваши пожелания к даче интервью. А то с памятью у меня не очень.

– Петров! – рявкнул кадровик. – Ты еще торговаться со мной будешь! Это указание руководства. Доведешь до журналиста нужную информацию. То, о чем тебе рассказал! Ясно? Никакой самодеятельности.

– Простите, Василь Васильевич, но я подзабыл. Что там надо сказать? Что руководство УВД вместе со мной задерживало маньяка? Или лучше сказать, что меня там вообще не было? Прошу прощения, правда забыл...

Майор сначала насупился, попыхтел, зажевав один ус, потом нехотя пробурчал:

– Ладно, давай свой рапорт.

Я протянул ему листок. Криволапов по-начальственному широким росчерком написал: «Ходатайствую по существу рапорта», поставил свои регалии, подпись и дату. Протянул мне документ и уже без злобы добавил:

– Отдай его в жилкомиссию, потом у коменданта общежития ключи получишь. Должны быть у них в резерве комнаты свободные. Для всяких непредвиденных заселений.

– Есть отдать в жилкомиссию. Спасибо, товарищ майор.

– Ну ты это... Про меня упомяни только. С журналистом когда разговаривать будешь... Не забудь.

– Будет сделано. Маньяка, товарищ майор, на всех хватит.

* * *

– Да куда ты лепишь? – ворчал отец. – Не видишь, что вкось получается? И откуда такие руки у тебя кривые?

– Есть в кого, – огрызнулся я. – Думаешь, я обои каждый день наклеиваю? Первый раз в жизни этим занимаюсь. Лучше б шабашников наняли. Послушал тебя, думал, ты умеешь.

Целый день мы с батей пыхтели в комнатке двенадцать квадратов, что выдали мне в общежитии, и пытались залепить стены бумажными рулонами простеньких обоев с блеклым рисунком в виде бежевых цветочков на фоне непритязательной рогожки. Это были самые «красивые» обои в местном магазине. Других в нашем хозмаге отродясь не наблюдалось. И по плотности они близки далеко не к ватману, а, скорее, к туалетной бумаге.

Отец мужественно пытался руководить нелегким процессом. Но прораб из него, как из меня – рабочий. После нескольких неудачных попыток нам удалось наострить более или менее ровно прищипывать на бугристые крашенные стены бумажные ленты.

Бумага, размоченная клейстером, который мать наварила

из крахмала, норовила расползтись прямо в руках, не успев даже соприкоснуться со стенами.

Но мы не теряли надежды и оттачивали навык отделочников, матюгаясь, комкали порванные полосы и отрезали новые. За это время успели пару раз между собой поругаться. Еще два раза отец порывался уйти и бросить «неблагодарного» сына, которому он так бескорыстно помогает, одного заниматься этой ерундой.

Недаром говорят, если хотите поссориться, поклейте вместе обои. Помню, в прошлой жизни одни мои знакомые, брак которых и так трещал по швам, решили не рисковать и наняли специального человека для поклейки у себя дома зло-счастливых обоев. Жена долго и тщательно выбирала нужного кандидата для такого важного процесса. Наконец, сравнив кучу отзывов и проштудировав десятки объявлений, нашла на Авито подходящего работника. Им оказалась миловидная девушка лет тридцати. Обои поклеила быстро, качественно и трезво. И взяла недорого. Хозяйка поначалу была очень довольна. Но работница прихватила и ее мужа. Увела мужика. Что начертано обоями, того не избежать.

К вечеру наши художества были закончены. Я грустно осмотрел «хоромы». Побеленный с разводами потолок и рельефные стены, что продавливали бугорки через бумагу, смотрелись немного убого, но зато по-советски простенько и жизненно. Евроремонтов еще не изобрели, и советские граждане не особо обращали внимание на такие мелочи, как

неровные стены и кривые потолки. Стены и коврами, в конце концов, завешать можно, а на потолок повесить огромную люстру с кучей «хрустальных» висюлек.

– Эх! – отец снял с головы заляпанную известкой бумажную треуголку. – Надо было все-таки стены газетами вначале обклеить. Ровнее бы смотрелось.

– Я не привередливый, – успокоил я его. – Ровность стен не влияет на мое настроение. Это же общага. Ты лучше скажи, что с окном делать будем?

– Как – что? Красить. В несколько слоев придется.

Я недоуменно смотрел на окно и соображал, как такое вообще можно реанимировать. Оно явно уже лет десять как просилось на свалку.

Но в советское время окна, двери и сопутствующие им проемы и фурнитура были предметами чисто заводскими, никаких частных предприятий по производству этого добра не наблюдалось, и собственно, технологий тоже не было. Такие вещи ставились раз и навсегда. Пока стоит дом – держатся в нем все те же окна. И всю жизнь несчастные разошедшиеся и покосившиеся рамы красили, замазывали, затыкали в них щели, но никогда не меняли. Вставляли лишь стекла при необходимости. Благо, стекло и штапик в продаже всегда были.

Целых три дня наши неумелые руки вершили ремонт в комнатухе. Пришлось на это дело угробить два выходных и еще взять один отгул на работе в счет переработок.

А на следующий день я с гордостью оглядывал всю нехитрую обстановку. Пружинную кровать, матрац и подушку мне выдала комендант общежития. В мебельное оснащение комнаты входил встроенный в стену деревянный шкаф, покрытый десятью слоями краски.

Еще я разжился стареньким столом, списанным с музыкальной фабрики (спасибо Трошкину, помог друг) и тумбочкой, которую забрал из родительской квартиры. Жилище спартамца было готово. Впору праздновать новоселье.

Праздник обязательно устрою, позову Соню, Трошкина, Быкова и Погодина. Получается, что за тот небольшой срок, что я здесь, мы с ними уже прошли и огонь, и воду, и даже немножко медные трубы. Нельзя же делить с друзьями одни невзгоды и погони? Кутнем тоже вместе – по-своему, по-советски.

* * *

Спустя полгода. Июнь 1979 года.

г. Новоульяновск.

Летнее солнышко приветливо улыбалось. Ветерок гонял по улицам клубы тополиного пуха. Сегодня был знаменательный день. Я сдавал свой единственный теоретический экзамен для поступления в Новоульяновскую специальную школу милиции. Экзамен непростой и важный – «История СССР». От сдачи остальных меня освободили, как образцо-

вого работника милиции.

На имя начальника школы пришло ходатайство аж из Москвы (спасибо Горохову, постарался), в котором подробно излагались мои заслуги в деле Новоульяновского душеителя и предлагалось рассмотреть вопрос о моем поступлении в школу милиции вне конкурса.

Совсем без экзаменов принять меня не могли, но, как «передовику» или золотому медалисту, сделали поблажку. Предложили сдавать на выбор только один предмет. Мне ближе по духу оказалась история СССР.

Экзамен по физо я сдал на отлично еще раньше. Бег, прыг и другие подтягивания после тренировок Саныча показались обычной разминкой. У большинства поступающих тоже проблем со сдачей физподготовки не возникло.

Это потом поколение захиреет, и нормативы станут серьезной преградой у молодежи для поступления на службу в полицию. И в МВД станет больше женщин, которым требования физподготовки окажутся более по зубам.

Помню, как в мою бытность в батальон ППС стали набирать девушек. Потому что парни банально не могли сдать нормативы и пройти медкомиссию. А те, кто смог, то заваливался при трудоустройстве на полиграфе. Потому что скрытых травмоулов, тихих бухариков и прочих сомнительный элемент тоже не брали.

Несмотря на то, что институтское образование у меня историческое, и в свое время учил я историю страны той же са-

мой, про которую и сейчас рассказывать надо было, но разница в подаче материала огромная. Ошибиться было нельзя. Я, конечно, готовился. Просиживал в библиотеке часами, пытаясь вытеснить прошлые знания новым-старым видением. Со скрипом, но это все-таки получалось. Вдалбливал в себя советские догмы. Не дай бог на экзамене ляпнуть что-нибудь из прошлых знаний.

Экзамен проходил в лекционной аудитории школы милиции. Свежие, еще не исцарапанные столы длиной во весь ряд ступеньками уходили вглубь-вверх. Чуть волнистые стены выкрашены в бюджетно-казенный синий цвет. Эхо, как в храме. Только вместо икон над ученической доской портреты Дзержинского, Брежнева, Ленина и Щелокова.

Через трехметровые окна, пока без всяких намеков на шторы, припекало летнее солнце. Я сел на дальнюю «ступень». Рядом никого. Основная масса абитуры сгрудилась внизу. Экзаменатор их сгонял к себе поближе, чтобы шпоры проще было изымать. Меня почему-то не тронули и не попросили пересесть.

Списывание каралось нещадно. Первое предупреждение – оценка на балл ниже. Второе – сразу неуд, и до свидания.

Я вытянул одну из разложенных на столе прямоугольных бумажек. Первый вопрос в билете звучал обнадеживающе: «Всемирно-историческое значение победы Советского Союза во второй мировой войне». А вот со вторым не повезло. Заковыристый попался: «XV съезд ВКП(б) –

съезд социалистической коллективизации сельского хозяйства. Разгром антипартийного троцкистско-зиновьевского блока». Оно, конечно, и не зная ответ, можно наговорить что-нибудь. Уже сам вопрос дает посыл – кого в рассказе хвалить, а кого винить, но, чувствую, поплыву я на нем, как мамонтенок на льдине. В Африку.

Комиссия состояла из трех человек. Один – интеллигентного вида гражданский дядька возраста Кисы Воробьянинова в нелепой красной бабочке (даже его круглые очки напоминали пенсне «друга» Бендера). Сразу видно – настоящий профессор (скорее всего, приглашенный из местного ВУЗа). Движения неторопливы, а в глазах одухотворенность от осознания философии Гегеля.

Двое других экзаменаторов были полной его противоположностью. В форме капитана и майора милиции они мало походили на знатоков сей науки. Их хмурые, словно вырубленные из пня морды выражали полнейший диалектический материализм. В их задачу, очевидно, входило зыркать по сторонам и вычислять нарушителей, что пытались списать.

А таких оказалась добрая половина. Историю выучить можно. Историю СССР уже сложно. А историю СССР с влечениями истории КПСС – почти невозможно. Вот и приходилось хитрить. Я шпаргалки давно разучился мастрячить и бесстрашно надеялся на свою смекалку.

Абитура вокруг меня собралась разношерстная. Тут была парочка городских щеголей. Скорее всего, обеспеченные

балбесы, которых родители заставили поступать в такое заведение, считая, что они наберутся уму-разуму. Несколько простовато-крестьянского вида рослых парней — это была основная масса. В бесформенных штанах, явно доставшихся им еще от пращуров, и простеньких ситцевых рубашках. Несколько достаточно уже взрослых поступающих с вьевшимися следами мазута на мозолистых пальцах. Явно работяги с завода, пришедшие по рекомендации горкома как передовики труда. И была даже одна девушка.

Официально девушек в средку не принимали, но для этой сделали исключение. Ее отец-гаишник погиб при исполнении, и дочь изъявила вдруг желание пойти по его стопам. История эта приобрела масштаб, далеко выходящий за пределы области, и несла патриотический посыл. Ее раструбили по радио, и даже в какой-то центральной газете статью выпустили. В аудитории она старалась держаться уверенно, хотя по напряженным рукам и подчеркнуто выпрямленной спине лично мне было видно, каких трудов и нервов ей это стоило.

Сорок минут на подготовку, и пошли первые отвечающие. Несмелое блеяние, завалы на дополнительных вопросах и прочие незнания истории СССР профессора в бабочке очень расстраивали. Он морщился и постоянно теребил «пенсне», даже иногда подсказывал, стараясь хоть как-то вытянуть сдающих. Если абитуриент твердо знал, кто такой Маркс, то шансы получить трояк у него были железные. Хотя тройки для проходного балла могло и не хватить.

Я не стал тянуть кота за причинное место и тоже пошел отвечать. Вопрос про войну ответил, как фильм показал. В красках и образах. Даже жестами помогал. Профессор заслушался. С лиц служивых, что сидели в комиссии, на время исчез сучающий вид. На несколько минут они превратились в примерных слушателей «радиоспектакля».

А вот с Троцким, мать его за ногу, вышло не так гладко. Обхаял я его, конечно, как требовала того эпоха, но вразумительно рассказать о решениях злосчастного съезда не получилось. Я же не большая советская энциклопедия, а всего лишь мент. Но рассказывать старался тоже в красках. И ответ свой приправил декларативными высказываниями и прочими лозунгами.

Если посмотреть на мое выступление со стороны служивых, которые ни черта не разбирались в этом вопросе, то твердая пятерка. Не мямлил и не блеял. Уверенно и без запинки протянул нить повествования. А вот профессора голыми руками не возьмешь. Он прекрасно знает, где собака зарыта. Поняв, что из меня больше ничего не выудишь, он потянулся к ведомости – рисовать мне оценку со словами «хорошо». Нашел мою фамилию, и его вдруг осенило:

– А вы не тот самый Петров, что Сергея Сергеевича Зинченко задержал?

– Он самый, – кивнул я, скромно умолчав, что и поимка его сына тоже моих рук дело.

– Знал я его, молодой человек. Однокурсник он мой. За-

носчив был и людей за челядь принимал. И откуда только у него такие барские замашки? По заслугам, получается, получил благодаря вам. Отлично, молодой человек, ставлю вам пять.

Я с облегчением выдохнул. Впереди еще подсчет баллов, но формально я уже поступил. С такими рекомендациями и с «отлично» по истории СССР дорога курсанта мне открыта.

Я вышел из аудитории и плечом столкнулся с верзилой. Он недовольно глянул на меня сверху вниз. Даже в форме рядового я сразу узнал Сипкина. Местного боксера-курсанта, которого я положил на своих первых соревнованиях. Судя по его перекошенной морде и вытаращенным глазам, старый знакомый тоже сразу меня узнал.

Глава 3

Старый недруг заметно раскабанел или подкачался, через китель сложно было понять, и теперь уже явно не вписывался в мою весовую категорию. Он все больше стал походить на Дольфа Лундгрена.

– Куда прешь? – процедил Сипкин, явно обиравшись на мое наглое плечо, что посмело его зацепить.

Я не успел ничего ответить, как на горизонте появился какой-то пузатый полкан:

– Курсант Сипкин! Почему не на посту?

– Я в туалет отлучился, товарищ полковник!

– А где напарник твой?

– На «тумбочке» должен быть, вместо меня, – оправдывался курсант.

– Нет там никого, – брызнул слюной полкан. – Черт знает что! В день экзаменов казарма без дневального! Где старшина курса? Найди мне его, быстро!

– Есть! – Сипкин бросился исполнять приказ, но, сделав пару шагов, обернулся и прошипел, чтобы полкан не слышал:

– Ты теперь тоже курсант? Встретимся еще...

– Не сомневаюсь, – улыбнулся я. – Смотри только подольше продержись. Не как в прошлый раз.

Сипкина перекосило, но гневный взгляд начальника за-

ставил его поспешить.

Я же, сдав экзамен, со спокойной душой шлепал по ступенькам учебного корпуса вниз к выходу. Хотя учебным в чистом виде его назвать сложно. Учебных лишь три этажа, а все, что выше, было занято под казармы. Оттуда громогласными перекатами лился ор пузатого полковника, похоже, что он устраивал разнос кому-то еще. Судя по всему, Сипкину и его сменщикам в итоге влетит знатно.

В скором времени и меня ждала такая «армейская» жизнь со всеми вытекающими перспективами. Не люблю строем ходить. Чувствую себя оболваненным и подстриженным под одну гребенку. В строю нет личности. Есть прямое коллективное мышление и действия по указке. А я опер свободно-го полета. Но придется немного потерпеть. Блин... Два года будет длиться этот день сурка. Ну ничего, прорвемся...

Мысли о походах строем в столовку, о подъеме и отбоях по расписанию наводили грусть. За забор только с увольнительной. Может, жениться? Женатым разрешалось проживать в городе, а не на территории школы, в казарме.

* * *

Через неделю приказ о зачислении вывесили на стенде перед КПП. Пофамильные списки счастливиц были выведены от руки каллиграфическим почерком. На первый курс набрали пять взводов по тридцать человек в каждом.

Я с грустью уволился с работы. Попрощался с коллегами и даже Витю обнял. С Погодиным не прощался. С друзьями я намеревался видаться регулярно – в увольнительных. И вот со второй половины августа 1979 года (зачисление у нас было раньше, чем в гражданские учебные заведения) я официально стал аттестованным сотрудником милиции. Правда, звание нулевое. Рядовой. Что ж, после всех подвигов начнем с низов.

Весть о моем зачислении вроде радостная, но ведь придется учиться тому, на чем я уже собаку съел (даже целую стаю), а это неинтересно. На ближайшие два года придется распрощаться с любимой работой, ограничить свободу, посиделки с друзьями и Соней.

Я прибыл в школу и сдал гражданскую одежду в каптерку, что находилась на нашем первокурсном четвертом этаже.

Большинству курсантов, в том числе и мне, форму выдали с погонами рядового – с грустными пустыми рамками галунов. Золотистую букву «К» для погонов курсантов МВД еще не придумали, но, насколько я помню, это случится уже скоро, возможно, в этом году.

Некоторые счастливчики, что на службе в армии успели заработать сержантские звания (армейские регалии засчитывались), щеголяли не с пустыми погонами, а с золотистыми поперечными лычками на них.

Всего нас было пять взводов «новобранцев». Каждый взвод разбит на три отделения по десять человек. Из чис-

ла курсантов наиболее «старых» (а были и такие, кому под тридцать лет) и опытных назначили командирами отделений. В число командиров я не попал, руководство и не подзревало, сколько на самом деле мне лет. Иногда я и сам об этом начинал забывать. Ощущал себя молодым, только ветра в голове не было.

Командир взвода был штатный офицер. Нам достался молодой лейтенантик – спортсмен-легкоатлет, ненамного старше нас. Совсем недавно выпустился из Омской школы милиции.

Как и в любой силовой или государственной структуре, над каждым работником (служивым, курсантом) наблюдалось целое древо начальников. Важных и не очень. Прямых и «кривых». Непосредственных и ситуативных (например, старший смены, когда попадаешь в наряд в караул).

Получается, что надо мной были: командир отделения, старшина курса, командир взвода, начальник курса, начальник школы с кучей замов. И еще какие-то полузамы полуначальников, я пока до конца не разобрался. Плюнуть нельзя, в старшего попадешь. И это только прямые непосредственные начальники.

Соня проводила меня со слезами. Будто в армию. Я обнял и успокоил ее, мол, не на все два года уйду, увольнительные каждые выходные и праздники предусмотрены. Плюс за «подвиги» дополнительно предоставляться должны. Если уж маньяка изловил, то на лишней выходной всяко заработать

смогу. Как говорится, не первый раз замужем, но дай Бог, чтоб последний.

– Что ты так переживаешь, – подбадривал ее я, – мы же с тобой и так только по выходным и виделись, я-то все на работе пропадал. Тут ничего особо не изменится.

Но она не слушала и поливала меня горячими слезами.

Комнату в ведомственной общаге за мной оставили. Спасибо Паутову, подсуетился и убедил жилкомиссию (у него там сестра двоюродная работала) официально оформить комнату как для командировочных. А если проверка какая нагрянет, можно, дескать, в крайнем случае заселить туда на пару дней кого-то из настоящих командировочных. И мебель как раз там есть для проживания, считай, почти номер в гостинице. Вещей ценных я там и не собирался заводить. Самое дорогое – это старенький кассетник, что перематывал пленку только вперед, и приходилось либо кассеты переворачивать, либо вращать её, нанизав на простой карандаш. Лучшее всего для этих дел подходили карандаши «Архитектор». По размеру один в один под кассету и грани, что надо.

Мне, конечно, не очень нравилось, что в моем общежитном «гнездышке» вдруг будет жить командировочный, хоть и временно. Но это лучше, чем лишиться комнаты, на которую у меня в возможные выходные были большие планы. Соня не всегда была одна в квартире, сменный график работы ее матери не желал внимать чаяниям «молодых» и подстраиваться под субботу и воскресенье.

В общем, уходил я в курсанты, как осужденный в колонию, распрощавшись со свободой и друзьями. Настроившись на скучный курсантский быт на целых два года. Если бы я знал, как я ошибся...

* * *

— Взвод, подъем! — прозвучала самая ненавистная моя команда, потому как дневальный орал ее в шесть тридцать утра, когда мое брненное тельце еще спит без задних и даже без передних ног.

Сигнал подъема должен бодрить, но сегодня дневальный — Гришка-гнусавый. Прозвище получил не за красивые глазки, а именно за голос. Прыщавый курсант имел, на удивление, такой противный тембр, что когда он начинал говорить, хотелось сразу либо уйти, либо перебить и вставить свое веское слово. Даже повидавшие виды преподаватели старались его лишний раз не спрашивать на семинарах. Гришка это мигом просек и к занятиям почти не готовился.

Кубрик на тридцать человек пробуждался, скрипя двухъярусными, еще сверкающими и не тронутыми рыжиной кроватями. Я обосновался на втором ярусе. С детства любил повыше взбираться.

После подъема построение на плацу обоих курсов, и зарядка. Все действие происходило в форме.

Выбор сейчас в обмундировании совсем невелик. Китель,

рубашка, брюки и шинель. Плюс фуражка или шапка в зависимости от сезона.

Милицейский китель цвета маренго, хоть и удобнее полицейского, но для зарядки и для нарядов по кухне и по хозчасти совсем не предназначен. Правда, выдавали на особую грязные работы нам рабочие халаты, больше похожие на промасленные синие тряпки из рогожи. Но и только.

Однако через недельку-другую все привыкли к форме, как к своей второй коже. Теперь она не казалось такой неудобной. И даже галстук уже не так раздражал. Не люблю, когда на шее что-то болтается. К свободе привык...

После зарядки рыльно-намывательные процедуры. С очередью, потому что умывалка с десятью рукомойниками одна на весь этаж. После – чистка сапог, выбривание кантиков и опять построение в колонны три на десять человек во главе с командирами взводов.

По команде строевым шагом направились в столовую пятью «коробками» курса. Столовая не такая большая и всех принять не может. Снова затор и ожидание с ухмылками – ждем, когда насытится второй курс. Они старички, и у них привилегия.

На завтрак каша (обычно манка или овсянка), отварное яйцо, кусок масла с хлебом и чай. После снова построение на плацу и утренний развод.

Начальник школы, фронтовик полковник Ярусов приветствует нас, а мы гавкаем в ответ: «Здра! Жела! Това! Пник!»

В этот момент, главное орать в унисон и не развалиться на нестройный хор, не забегать вперед и не отставать. Не у всех с чувством ритма хорошо, и некоторые приспособились гавкать, просто молча открывая рот. Особо рьяные курсанты, у которых получалось такое приветствие, орали за двоих, а кто и за троих. В обычной жизни им не часто приходилось поорать, а тут такая отдушина появилась. Можно глотку драть и с утра получать дозу адреналина и эндорфина. Ведь известно, что человек скотина коммуникативная. Любит выговориться и проораться. Хорошо, хоть гнусавый Гришка в такие моменты помалкивал, не искал судьбу.

После нашего ответного приветствия Ярусов поморщился, как бы прислушиваясь, видать, в этот раз слишком много человек притворились рыбками, безмолвно открывая рты.

– Отставить! – гаркнул полковник, добавив как всегда банальный вопрос. – Каши мало ели? А ну все вместе! Еще раз! Здравствуйте, товарищи курсанты!

– Гав! Гав! Гав! Пльник!

– Во! Уже лучше! Вольно! – Ярусов дал отмашку замполиту.

Тот стоял по правую руку от него и напоминал Кощея. Высокий и с крючковатым носом. Почти каждое утро он зачитывал очередной приказ об отчислении. Так просто из школы не отчисляли. Это приравнивалось к увольнению – забирай документы и иди на все четыре стороны. Причины разные, но в основном за проступки, порочащие честь сотруд-

ника советской милиции.

А проступков таких почти на каждого нарыть можно. Особенно трудно давался абсолютный сухой закон. «Контрабандой», конечно, проносили и самогон, и водку. И выпивали по-тихому перед отбоем, празднуя чей-то день рождения или день взятия Бастилии, когда офицерский состав уже сидел по домам. Но если ответственный по школе (как правило, офицер из числа командиров взводов) спалит и заложит, то увольняли сразу. Никто не разбирался, а об освидетельствовании на опьянение здесь и не слыхивали.

Второй самой распространенной причиной отчисления были побегі в самоволку. Высокий бетонный забор по периметру школы сверху обнесен колючкой. Если мир рухнет и нападут зомби, самое то укрываться за таким забором. Но курсанты не зомби. Они умудрялись перелезть и через такое препятствие. А уже в городе могли запросто напороться на армейский патруль, что проверял увольнительные и у сотрудников милиции с погонями рядовых (договоренность была у руководства школы с местной военной частью), либо спалиться при возвращении. Не успевали на вечернее построение и перекличку – и здравствуй, «гражданка». Порой первый повод органично сочетался со вторым.

Так что первое время у замполита нашего работы было невпроворот. Едва ли не каждый день «Кощей» оглашал все новый список отчисленных.

Вот и сейчас кадровик достал из планшетки листок с при-

казом и начал вещать голосом Левитана. Только тот за наших топил, а этот любил жути против своих нагнать.

Но в этот раз, на наше удивление, приказ оказался о поощрении. Все уж и забыли, что такие бывают. А кто с гражданки пришел, те вообще рты раскрыли. Такое слышать из уст Кощея было крайне удивительно.

Он зачитывал приказ не так торжественно, как если бы он был об отчислении. Словно силы тьмы ему доплачивали.

Приказ оказался об объявлении благодарности с занесением в личное дело двум курсантам, что в ночном патруле по городу задержали грабителя, который выхватил у женщины сумочку и пытался скрыться.

Сейчас такие преступления – редкость. Это в девяностых будут срывать с граждан и гражданок буквально все. И шапки, и золото. И неважно, что шапка из старого и поеденного молью пыжика. В темноте она смотрелась, как холеная норка. Потом появились ушанки из чернобурки. Их тоже любили срывать грабители. Продавались такие трофеи на ура, и поймать воришку, если не по горячим следам, было почти невозможно. Никаких следов. Ломбарды тогда еще не обязали требовать с клиентов паспорт и заносить их данные в журнал сданных вещей. Пришел ворюга, сдал ушанку и был таков.

Поэтому развелось таких гоп-стопников уйма. Когда наступала зима, шапочные преступления сыпались темнухами на родной УВД, как из рога изобилия.

Но сейчас такого почти не бывало. Местный УВД иногда тоже проводил вечерне-ночные рейды по охране общественного порядка и в качестве приданных сил просил у школы курсантов. Вот парни и отличились. Премий за такие подвиги не давали, но благодарность тоже была в почете. Особенно для тех, кто пришел служить сознательно и радел за службу.

После утреннего построения – учеба. Как в институте. Лекции, семинары. Только наряду с теорией здесь были занятия по физической и огневой подготовке.

Первый месяц был буквально ударным. Прошли так называемый «курс молодого бойца». Бегали с противогазами и преодолевали препятствия, выезжая в поля. Ползали и рыли носом землю. Стреляли на полигоне из калашей. Потом опять бегали по пересеченной местности, захватывали условного противника и снова стреляли.

Я-то понял, что специально нагрузили нас по полной, как узбекских осликов. Дали курсантам понять, куда они попали. Больше десятка не выдержали и написали рапорта по собственному. Но оно и правильно. Случайных людей в милиции не должно быть. Это потом будет не совсем так, а пока проскочить могли лишь генеральские сынки, к которым относились с поблажкой. Но таковых в Новоульяновске не наблюдалось. Город не статусный и школа – средка.

После утренней учебы обед. И опять строем. Если день праздничный, или у начальника курса настроение музыкальное случалось, то шагом марш и песню запевай. Петь я умел

так же, как товарищ Шариков. Но на фоне общего ора, криков тех, кому уши косолапый потоптал, особо и не слышно. Все сливалось в один почти стройный слог. Пели любую патристическую. Даже «Катюшу» под марш подстроили. Через несколько таких вокальных тренировок я заметил, что у меня даже стало получаться попадать. Пусть пока не в ноты, но куда-то я точно попадал. И голос стал помелодичнее что ли. Я даже всерьез задумался о посещении строевого оркестра.

А там как раз набирали музыкантов. Конкурс был бешеный. Большинство претендентов из музыкальных познаний могли похвастаться лишь тем, чтобы стучать ложками или дзинькнуть по треугольнику. Мало у кого оказалась музыкальная школа за плечами. И я не Маккартни. А ломились туда курсанты по одной простой причине: вместо нарядов, караулов и бесконечных построений можно было просто полдня дуть в тромбон или шлепать медными тарелками на расслабоне и, не напрягаясь, тянуть службу.

После обеда опять занятия. Но уже поинтереснее. Каждый день физо, и непременно боевое самбо. Вел его мастер спорта. Кряжистый грузин с носом, похожим на раздувшийся клюв орла и бровями не хуже, чем у генсека.

Отработка защиты ударов от резинового ножа, палки. Броски, подсечки, болевые, удушающие и прочие валяния по мату уже были моей стезей и до этого. Жаль секции бокса в школе уже не было. В прошлом году еще была, но тренер то ли перевелся, то ли на пенсию ушел, я так и не понял.

В общем пришлось мне из боксера на время превратиться в самбиста. Оно и к лучшему. Разнообразить арсенал не помешает. Многие я помнил еще с Динамовских тренировок по молодости, а физуху уже здесь набрал у Саныча.

Спустя неделю тренировок Реваз Отарович меня заметил и старался подсунуть мне в пару курсантиков посправнее, что в прошлом занимались борьбой или дзюдо. Таких набралось у нас трое, если меня не считать.

После очередной тренировки он собрал нас в тренерской и предложил:

– Товарищи курсанты, хочу команду создать по самбо при школе. Со второго курса не оказалось подходящих кандидатов. Предлагаю вам.

Я вспомнил про Сипкина. Видно, он чистый боксер, раз самбо не тянет.

– Я согласен, – первым отозвался я.

Глава 4

Остальные парни, почесав репу, согласились тоже. Но не с таким энтузиазмом. Видать, я самый молодой и горячий среди них оказался. Всегда был за любой кипиш, но только если с хорошей закуской.

Тренер вписал нас в какой-то свой журнал и объявил уже командным голосом:

– Тренировки будут проходить пять раз в неделю. Вечером после учебы.

Парни сразу приуныли немного, слышались хмурые шепотки. Очевидно, рассчитывали на халяву: никак не думали, что этому придется уделять личное, а не учебное время. Но все-таки заднюю никто не дал.

А мне даже лучше. Куда тут личное время девать? Если оно вовсе не личное. Всегда под присмотром и под надзором, и даже спишь по соседству с тридцатью мужиками в одной «комнате».

– Начнем прямо с завтрашнего дня, – продолжил Реваз Отарович, как будто выговаривая мои собственные мысли. – С пяти до шести вечера у вас самоподготовка. Все равно по кубрикам сидите и ни хрена не делаете. Вот и будете вместо самоподготовки на тренировки ходить. Отпускать буду в шесть тридцать. Ужин в семь, помыться и переодеться успеете.

Так... С досугом я разобрался. Теперь каждый вечер у меня, считай, занят. Не свидания, конечно, но дело полезное. Осталось еще выходные чем-то забить. Увольнительные первые три месяца нам не дадут, и субботу, и воскресенье все равно проводить на территории школы. Считалось, что еще не заслужили мы выходов в город. Или начальство просто не доверяло салагам. Думали, если дорвутся до свободы, много дров наломают. И не безосновательно – были уже прецеденты.

Один ушлый курсант со второго взвода как-то умудрился стырить свою гражданскую одежду из каптерки. А она у него была типа робы. И вечером хотел вырваться на свободу, притворившись кем-то вроде плотника или сантехника (или другой уборщицей), что работали на территории как гражданские служащие.

В лицо его еще почти никто не знал. Подошел он вечером с вереницей таких же гражданских к КПП, а старший смены оглядел его и пропуск вдруг потребовал.

– Виноват, – ответил побегушник. – Потерял пропуск, – четко так и правдиво ответил, чтобы вопросов к нему никаких не было.

Про пропуск он и не знал, вот и пришлось на месте выкручиваться. До конца стоять, как партизан во время оккупации.

– А ты точно гражданский? – спрашивает его караульный.

– Так точно, товарищ лейтенант, – без запинки выдал тот.

– Не п*здишь?

– Никак нет! – по-строевому рапортовал он.

Так и спалился курсант. Отчислили на следующий день.

* * *

– Ну что, други? – Валерка, наш командир отделения (пухлобокий и мордатый сержант из числа курсантов), загадочно улыбнулся. – Кто на руках бороться умеет?

Дело было вечером, делать было нечего. На необычное предложение Валерки кубрик, что лениво поскрипывал кроватями с сидящими на них курсантами, сразу оживился.

Все, кто втихаря резался в «дурака» или читал «Робинзон Крузо» (затертая до дыр книга ходила по курсу и пользовалась бешеной популярностью, видно, каждый себя чувствовал немного Робинзоном в отрыве от родных и близких), мигом побросали свои рутинные занятия и стали подтягиваться к «Бродвею». Так называли центральный, самый широкий проход между рядами двухъярусок.

– Это что за борьба такая? – Гришка-гнусавый озадаченно почесал русый бобрик.

Его неказистая фигура никак не подходила под борца на руках. Судя по тщедушному сложению, даже борца «на мизинцах» из него бы не вышло. Невысокого роста, с большой несуразной головой на худых плечах он напоминал Чиполлино.

– Тебе, Гнус, – погоняло «Гнусавый» почему-то укоротилось до мерзкой мошки, – про такое знать не обязательно, – хмыкнул Валерка. – Мал еще, и руки для борьбы не отрасли. Отойди, пропусти добрых молодцев силушкой померяться.

Армрестлинг появится в России лишь в девяностые. Хотя в США уже давно чемпионаты проводятся. Но Валерка парень деревенский и, возможно, кто-то из его пращуров, независимо от древних греков или других индейцев Майя, что изначально придумали этот вид спорта, сам изобрел диковинную борьбу запястьями. И теперь пухлый крепыш решил донести зов предков до скучающей братии и потешить курсантов молодецкой удалью.

Народ загудел, мол, не знаем такую борьбу, давай показывай уже, нечего попусту брехать.

– Правила просты! – Командир ОТделения (сокращенно – КОТ) выдвинул в центр одну из тумбочек, что имелась у каждого яруса кровати, из твердой, как камень, советской полировки.

Встал перед ней на колени и поставил на локоть правую руку:

– Вот так! Смотрите! Нужно завалить руку соперника на тумбу.

– И всего-то?! – пробасил самый здоровый в нашем взводе, Серега по прозвищу Гулливер.

Ростом он был не слишком высок. Метр восемьдесят где-то, если в кедах. Но в плечах широк, как Юрий Власов. И так

же как и он, занимался (до поступления) тяжелой атлетикой.

– А ну давай, Кот, попробуем, – Гулливер встал на колени и поставил свою руку напротив его. Валерка был не мал, но рука «Власова» по сравнению с его казалась в два раза толще.

– Шибко не дави пока, – возмущался Кот. – Куда без команды жмешь! Граждане зрители, кто-нибудь может четко досчитать до трех?!

– Давайте я!

– Ой, Гнус, только ты не лезь! От твоего голоса убежать хочется. Лучше молчи. Или шепотом говори.

– Так я и шёпотом могу командовать, – предложил Гришка, ничуть не обидавшись, – Можно, а?

– Нет! Лучше кто-нибудь другой. Петров! Можешь командовать?

Я протиснулся сквозь плотное кольцо зрителей. Положил свою руку сверху на сцепленные кисти соперников, немного их выровнял:

– Готовы? На счет три! Раз, два, три!

Неповоротливый штангист-Гулливер не успел среагировать, как Кот молниеносным рывком положил его руку на гладь тумбы.

Здоровяк непонимающе хлопал глазами:

– Это как ты так? А ну давай еще!

Снова сцепили руки.

– Раз, два, три!

В этот раз Гулливер успел давануть и оказать сопротивление. Но Кот оказался продвинутым рукоборцем. Хитро завернул кисть и потянул ее к себе, неумолимо разгибая локоть штангиста. Хлоп! И рука Гулливера снова шлепнула о тумбу.

– А ну давай левыми, – прохрипел, тяжело дыша, Гулливер. – Что за чертовщина? Как ты это делаешь?

Но Валерка улыбался и молчал о секретных подкрутках, стартовом рывке, угле дожима и прочих хитростях армрестлинга, которые он где-то умудрился освоить и теперь успешно противопоставлял грубой силе штангиста.

Левыми раунд затянулся. Гулливер тоже не пустой чайник на плечах носит, начал соображать, что к чему. Спортсмен ведь. Стал анализировать. Амплитуда, траектория, рычаг и другие премудрости физики – его стезя. Только он теперь перенес свой прошлый опыт рывков штанги на рывок кистью. И у него, наконец, получилось. Сначала он чуть не проиграл, и тыльная сторона его левой кисти готовилась поцеловать гладь полировки. Но потом заревел, как медведь в битве с пчелами. Жилы вспухли на его шее. Со лба упали капли. Скрежеща зубами, Гулливер, рыча, медленно, но верно поднимал свою руку. Вот она уже в вертикали, вот уже ложится сверху на руку соперника и клонит ее к тумбе. Рывком уложить здоровяк не сумел, и победа получалась плавной.

Радовался он, будто звание офицерское получил. Подскокил с колен и на радостях подхватил подвернувшегося Гну-

са. Оторвал от пола и закружил того в танце победы.

– Ну ты это! – насупился Кот. – Сильно-то не радуйся. Случайно вышло. Рука просто скользкая стала.

Деревенский чемпион никак не хотел мириться с поражением.

– А давай еще! – штангист поставил на пол малютку-Гнуса. – Только теперь на спор.

– Это как? – насторожился Валерка.

– А что за просто так бороться? Давай на пачку сигарет. «Космос»! – штангист поверил в себя и почувствовал, как становятся профи, теперь он понял, в чем петрушка.

– «Космос»? Ну не знаю. Они дорогие...

– Ага! Испугался!

– Ничо не испугался, просто где ты возьмешь «Космос»? Ты же сам «Астру» без фильтра смолишь. Наверное, не от хорошей жизни?

– Так ты о себе заботься, – процедил Гулливер. – Давай на две пачки «Космоса»!

– А давай! – Кот поставил на тумбу правую руку.

Раз, два три! Рванули оба так, что чуть тумба не лопнула. Дверца ее жалобно задрожала. Ножки вот вот грозились разъехаться.

Минуту они кряхтели и сопели, обливаясь потом, да тихо сквозь зубы матюгались. Проиграть никак нельзя. На кону бойцовская честь, первенство спора, звание самого сильного человека на курсе, признание и уважение коллег и самое

главное – две пачки «Космоса» по семьдесят копеек.

Наконец рука Валерки медленно, но верно стала отклоняться в позицию «Гитлер капут». Еще немного и он проиграет. Кот собрался с силами и навалился всей своей пухлобокой тушей. Но штангист подловил его на контрдвижении и, как-то хитро вывернув кисть, резко положил его руку на тумбу.

– Да-а! – ликовал Гулливер, похлопывая по плечу помрачневшего Валерку. – И постарайся найти юбилейный «Космос». У него вкус мягче!

– Нет такого! – буркнул Кот.

– А ты поищи! – снисходительно бросил богатырь. – Ну что, товарищи спортсмены, – Гулливер обвел взглядом присутствующих. – Нет ли желающих силой рук своих, так сказать, «Космос» выиграть? Ставлю пачку на левую руку и пачку на правую. Ну, что приуныли? Кто смелый?

– Можно мне? – Гнус просочился к тумбе. – Только я левша, буду левой бороться, мне и одной пачки хватит.

Весь кубрик взорвался от смеха. Кое-кто даже на кровати попадал, чтобы удобнее ржать было и на пол не скатиться.

– Хорошая шутка, Гриша, – богатырь снисходительно потрепал его по плечу. – Но подрасти сначала.

Но Гнус, словно настырный Степочкин из мультя про десантников, не унимался:

– А хочешь, я даже пачку если выиграю, то тебе отдам? Я же все равно не курю!

Ржач раздался пуще прежнего и грозил привлечь внимание дежурного по курсу, ответственного от руководства или еще какую другую холеру, что бродила вечером по школе в поисках уставных нарушений.

От такой наглости Гулливер уже не смеялся. Он воспринял это на свой счет.

– Ну давай, Гришка. Давно с гипсом не ходил?

Гришка присел и поставил на тумбу руку. Несмотря на хоббитовское сложение, предплечье и кисть у него оказались непропорционально большими. Как у морячка Папая. Никто не замечал у него сей анатомический казус раньше. Гришка-шпингалет взглядов на себе особо не ловил и ничем примечательным не выделялся. А сейчас посреди «Колизея» народ узрел сие анатомическое несоответствие.

Я даже подумал, грешным делом, что у него слоновая болезнь развилась, это когда конечности раздувает от каких-то паразитов. Но медкомиссию он при поступлении успешно прошел, стало быть, здоров как... Бычок.

–левой хочешь? – усмехнулся штангист. – Ну давай. Правильно. Ее не так жалко.

Руки их сцепились. Я поправил кисти, наложив свою руку сверху перекрестя:

– Готовы? Раз, два, три!

Бум! Тыл кисти Гулливера ударился о тумбу.

– Э-э! – загудел недовольный народ. – Ты чо поддаешься? Гуля, давай нормально борись. Что за ерунда?

– Так... Эт самое... Мужики, – здоровяк непонимающе хлопал глазами. – Я, типа, не поддавался. Чот ни хрена не понял... Гнус! Это чо щас было?

– Да не ври! – не верили курсанты. – Давай еще. Только без поддавков!

Раздувая щеки, штангист вытер взмокший лоб и повыше засучил рукава. Поставил руку:

– Давай, Григорий, еще. У меня пачка же осталась.

– А давай, – Гнус схватил его запястье.

Раз, два, три! Бум!

И снова Гулливер проиграл.

– Твою мать! – вскочил он на ноги. – Ты как это делаешь?

– Не знаю, – пожал острыми плечиками Гришка. – Как-то само получается.

– А ну давай правыми!

– Но мне сигарет больше не надо, – попробовал отвертеться Гришка. – Я же не курю.

– Давай на бутылку! Водку пьешь?

– Нет, мама не разрешает.

– А что хочешь?

– Ремень у тебя на джинсах я видел. Уж больно хорош. С пряжкой в виде мяча футбольного. Давай на него бороться?

– Ремень не могу. Мне его на соревнованиях подарили.

– Ну тогда конец состязаниям.

– А, черт с тобой! Вымогатель мелкий. Давай ремень против двух пачек «Космоса».

Я помнил, что Гришка левша, и был уверен, что в этот раз он точно проиграет. Правая рука Гулливера смотрелась как бревно. А левыми Гришке просто повезло, наверное.

Раз, два, три! Тумба закрипела, а в кубрике повисла тишина, что слышно было даже, как на улице листочки опавшие шуршат.

В этот раз Гришка не положил сразу соперника. Штангист отчаянно сопротивлялся, но его рука неумолимо опускалась на полировку. Бам! И все. Был ремень и нет его.

Тут весь кубрик взорвался. Гнуса подхватили на руки и стали качать. Десяток рук подкинули его слишком сильно, не рассчитали маленько его вес, и он чуть не ударился о потолок. Потом неистовые зрители приноровились и швыряли чемпиона не выше второго яруса кровати.

После, когда буря улеглась, я подошел к нему и спросил:

– Слушай, Гриш, а как у тебя фамилия?

– Тарасов, а что?

– Да так, ничего... В одном взводе, а фамилии твоей не знал.

Я порылся в памяти и кое-что сопоставил.

Похоже, что это тот самый Тарасов – будущий чемпион мира по армреслингу в девяностые.

– Ты свой талант развивай, – похлопал я Гнуса по плечу. – Уверен, что скоро вид спорта такой будет у нас. Чемпионаты проводятся будут, а не только на щелбаны с сигаретами сшибаться можно.

– Ага, скажешь тоже. Чемпионаты. Может, еще и городки спортом станут?

– Может быть...

С тех пор Гришку Гнусом больше никто не называл. К нему приклеилось новая погрешка – Чемпик. Уменьшительное от «чемпион». Все-таки чемпион-то был мелкокалиберный.

* * *

На одном из утренних построений нам неожиданно объявили, что школу посетит проверяющий из Москвы по методической части. Некий срез будет делать. Уровень преподавания и, соответственно, усвоения материала оценит. По каким именно предметам – никто не знал. Проверяющий – целый генерал-лейтенант. Шишка важная, но своеобразная. На картах топографических был помешан. Фронтовик. В штабе во время войны служил и сам карты эти рисовал в полевых условиях.

Начальник курса почему-то решил, что владение топографией он и будет проверять. И срочно поставил задачу: каждый курсант должен понимать, похлеще любой собаки Павлова, тактические свойства местности и их влияние на выполнение оперативно-служебных задач.

Чтобы не ударить в грязь лицом перед гостем, нам сразу впендюрили в расписание внеочередные ударные дозы за-

нятий по топографии, которые вроде бы должны были начаться только во втором полугодии, и то проходным курсом (пара семинаров и несколько лекций) в рамках тактико-специальной подготовки. Но руководство инициативно решило этот вопрос углубить, расширить и улучшить, не полагаясь на формат стандартной учебной программы. Весь курс почувствовал себя китайскими коммунистами, заповеди которых гласили: «Мы сначала создаем себе трудности, а потом их героически преодолеваем».

В общем, занятия по топографии проводились теперь каждый день в авральном режиме.

– Генерал – просто зверь, – твердил нам препод по тактике. – Так что, товарищи курсанты, старайтесь, иначе можно взыскание схлопотать.

На последнем занятии всем было поручено начертить карту нашей школы. Обозначить склады, узел связи, генераторную, казармы и другие стратегически важные элементы.

Мне, как назло, в этот день достался наряд «по тумбочке». Сутки я оттрубил, а утром благополучно хотел завалиться спать. Но тут вдруг вспомнил о «домашнем задании». Ведь сегодня методист приезжает, а у меня ни одно копытное не валялось. Пикассо из меня тот еще. Максимум, я могу черный квадрат нарисовать, и то не так черно и ровно, как на знаменитой картине.

В общем, пока все рисовали красивые карты в цвете, я, спохватившись в последний момент, достал карандаш и дро-

жащей рукой, с красными от недосыпа глазами накорябал значки объектов на территории нашей славной школы. План, будто курица левой лапой чертила, но все просто и интуитивно понятно. Вот склад, вот столовка, вот КПП и даже три караульных человечка при нем.

В обед перед приездом проверяющего препод попросил наш курс показать свои художества. За многих курсантов рисовали самородки-художники, кто за пачку сигарет, кто за спасибо, а я как-то даже не удосужился никого попросить помочь. И карта моя выглядела очень грустно.

Зато у других красочные и гладкие отрисованные по трафаретам карты с разноцветными значками радовали глаз препода. Он осмотрел художества, и дошла очередь до меня.

– Это что за графическая эквилибристика, Петров? – препода чуть пуговицу себе на кителе не открутил, так разнервничался.

– Виноват, товарищ капитан, – я готов был провалиться под взглядами хихикающих сокурсников. – В наряде был. Не успел до ума довести.

– Бегом переделывать! Иначе генерал тебя порвет, еще и мне достанется. И начальнику школы и методсовету навешает... – последнее слово он так и не сказал, но все догадались, чего именно. – Тьфу-тьфу!..

– Есть переделать! – пригорюнился я, размышляя, как же мне из Малевича в Репина по-быстренькому вырасти. Буквально за несколько часов.

Но переделать я ничего не успел. На территорию школы въехала черная Волга.

Глава 5

Весь наш курс рассадили в лекционной аудитории. Сказали изображать вид шибко умный и по-философски вдумчивый, как у ежика в тумане, дабы разумением своим впечатлить генерала Прохорова.

И вот дверь распахнулась и в аудиторию не по годам твердым шагом вошел бывалый офицер. Хмурый, как Жуков, только ростом поменьше и морщин с сединой побольше.

Мы приветственно вскочили, генерал снисходительно кивнул, мол, занимайтесь, товарищи, не буду отвлекать, я просто в уголке постою, а сам тут же поинтересовался у преподавателя:

– Что за предмет?

– Топография, – просиял тот, как звездочки на его погонах.

Звание капитана он недавно получил, не потускнели еще звезды и не затерлись об шинель.

– Хм-м, – генерал одобрительно покачал головой и, повернувшись к сопровождаемым (начальнику школы и его заму по методической работе), добавил. – Топографию уважаю. Вы прямо как знали, сюда сразу меня привели.

Начальник школы развел руками – мол, никакого умысла, чистое совпадение.

Проверяющий же подошел ближе:

– А это что у вас?

И, заметив разложенные на партах бумажные «портянки», стал с интересом их разглядывать.

– Карты местности, товарищ генерал, – еще больше засиял капитан и украдкой улыбнулся начальнику школы, мол, усё в порядке, шеф. – На них изображен план учебной территории со всеми постройками.

– Карты? Сами рисуете? – Прохоров приподнял кустистые брови. – Похвально. Каждый сотрудник в полевых условиях должен уметь схему местности составить. А ну-ка посмотрю...

Генерал пошел между рядов. Разглядывал цветные картинки. Чем дальше он проходил, тем сильнее морщины врезались в его лоб, и тем тяжелее становился его взгляд. Фронтоник мрачнел на глазах.

Препод семенил за генералом, ловя каждое его движение. Но проверяющий молчал. В воздухе повисла тишина. Только гулкие шаги генерала эхом отдавались по аудитории.

Топограф наш достал носовой платок и вытер лоб, продолжая недоуменно наблюдать за проверяющим. Наконец, генерал дошел до меня и глянул на измятый лист с кривыми схемками и кособокими значками.

– Встать, рядовой! – скомандовал он мне.

Я поднялся в ожидании взбучки и уже приготовил в оправдание пару фраз про ночной наряд и врожденное отсутствие художественных талантов.

– Покажи свою карту аудитории! – приказал проверяющий.

Я развернул наспех состряпанное художество и продемонстрировал мое достижение всем. Вроде бы начальства я давно не боялся, но все-таки быть почетным идиотом всей группы было неприятно. А вот топограф втянул голову в плечи.

И тут генерал взорвался:

– Что за бабские рисунки?! Устроили тут кружок рисования! Мать вашу! Где вы такие карты видели?! Вы в полях под дождем будете цветными карандашами и по линейке чертить?! Нет! На хрена все эти украшения и завитушечки?! Вот один нормальный курсант! – генерал кивнул на меня. – Вот так должна выглядеть настоящая полевая карта! Информативно, понятно и просто! Развели тут артель художников! Потемкины! Переделать все!

– Есть переделать, – промямлил ошарашенный препод.

Прохоров похлопал меня по плечу:

– Как фамилия, курсант?

– Петров, товарищ генерал.

– Молодец, Петров! – он пожал мне руку. – Далеко пойдешь. Так держать.

И ушел. Что-то там дальше, наверное, проверять. А немая сцена длилась еще несколько минут...

Вот уже третий месяц тянулся день сурка. Большого такого и жирного. Подъем в шесть тридцать, построение, учеба, снова построение, опять учеба, стрельбы, занятия по физдо, тренировки по самбо, ужин, вечерние песни под гитару (в каждом взводе оказалось минимум по три дворовых гитариста), несколько партеек по-тихому в карты или теперь уже традиционная борьба на руках (новым развлечением прониклись все), а в десять отбой. Утром все заново. Взвод, подъем! И понеслось.

Некоторое разнообразие в строевую жизнь вносили наряды. Их оказалось великое множество. Наряд «хлеборезка», наряд «посудомойка», наряд «овощечистка» (не самый лучший – почистить надо было четыре пятидесятилитровых бака картошки и морковки), наружные наряды в помощь УВД.

Зато в караул нас пока не ставили. Это была прерогатива второго курса. Балбесам-первокурсникам оружие не доверяли. Маленькие еще, можем что-нибудь себе отстрелить или, не дай Бог, оружие потерять.

Был уже прецедент в прошлом году. Тогда первокурсники как раз ходили в караул. Потому что второго курса еще не появилось, это был первый набор в Новоульяновске. И выдавали желторотым в наряд ПМ-ы.

Случилось все как раз после такого дежурства. Один из

курсантов сдавал в оружейку пистолет. Разряжая, этот чудик зачем-то щелкнул предохранителем. А дальше рука сама рефлекторно передернула затвор. После он извлек магазин и благополучно выщелкнул патроны в деревянную колодку на хранение. Одного боеприпаса, естественно, не досчитался. Не доперло, что в патронник его загнал. Осмотрел пистолет и увидел, что курок почему-то на боевой взвод поставлен. Непорядок. Сделал контрольный спуск.

Бах! Выстрел прогремел такой, что в маленьком «предбаннике» оружейки оглушил еще двоих курсантов и дежурного. Но не это самое плохое. Известно, что пуля – дура, но эта оказалась самой что ни на есть продвинутой. Нашла слабое место в кирпичной стене, где проходила электроразводка. Горе-строители почему-то умудрились ее впихнуть на уровне пояса. В том месте конструкция стены, получается, была естественно ослаблена.

Пуля пробила стену и, ее оболочка, разлетевшись на осколки, посекала задницу спящего водителя, что в рабочее время зашкерился и прикорнул с утра на диванчике в дежурке. Раны были не сильные, но позорные. Два месяца водила кушал стоя и спал на животе. Еще и взыскание получил, ибо не фиг спать в рабочее время.

А курсанта, за грубое нарушение инструкции и мер безопасности при обращении с огнестрельным оружием, отчислили. Даже поначалу дело хотели завести, но прокурорские репу почесали, подумали и решили все-таки это как несчаст-

ный случай представить, а не как покушение на задницу сотрудника через электрическую розетку.

Но случай прогремел на всю область. Втык получили все. И командир взвода, за нерадивого подчиненного, и преподаватель по огневой подготовке, и начальник курса, и даже строители, что заложили невидимую бойницу в таком режимном и важном объекте.

Оружейку срочно переделали, усилив стены, на всякий случай, еще дополнительной кирпичной кладкой, а электропроводку перенесли под потолок, как и положено.

Поэтому сейчас первокурсников к караулам не допускали. Хотя в некоторых школах поступали по-хитрому. В наряд ставили всех, и зеленых и, балбесов. Но выдавали им холостые патроны. Никакой проверяющий не докопается, если бумажки не проверить, где в выдаче числится охлажденный боеприпас. Потому как табельное даже проверяющему нельзя передавать во время несения службы.

Но это оказалась палкой о двух концах. Помню, в девяностых обернулась такая практика трагедией. Лихие времена были, и фаллометрия у бандюгов напрямую зависела от наличия хорошего ствола. Известно, что самый лучший в мире пистолет – это тот, который очередями стреляет и калашом зовется. А где добыть такой? Либо купить, либо отобрать.

Прознали как-то гады, что курсанты под колючкой на территории школы дежурят с автоматами, снаряженными холостыми патронами. Может, какая-нибудь отчисленная оби-

женка стуканула или еще кто.

Срезали бандиты ночью колючку и перемахнули через бетонный забор. Курсанта на перо (не выжил бедолага), а ценной за человеческую жизнь стал всего один ствол. Темные времена были. С тех пор в Красноярской школе милиции в караул заступали только с боевыми патронами. А бандитов тех мы потом в нашей области изловили. Долго прятались, что из Красноярска до нас добрались.

Однако чаще всего доставался самый ненавистный для всех наряд – дневальным по курсу. Заступало сразу трое. Сменяли на тумбочке друг друга. Стоя на затертом до блеска стальном постаменте, нужно было всякий раз гаркать приветствие при виде начальника курса или другой важной птицы, что забрела в казармы, и докладывать о том, что происшествий никаких не случилось. Но это не страшно. А вот в перерывах между тумбой, когда напарник твой оловянным солдатиком на ней стоит, сменщик драит лестничный пролет и сортир.

Я работы никакой не чурался, но врожденная брезгливость страсть как бунтовала против того, чтобы намыывать туалеты. Тут приходилось договариваться и нанимать «негров» из числа своих же сменщиков. Мол, ты моешь за меня пол, а я стою твое время на тумбе и пачку сигарет даю в придачу.

Сигареты у меня теперь всегда водились, хоть и я не курил. Все потому, что в вечерних состязаниях я частенько по-

беждал в борьбе на руках. Чемпику и Гулливеру только проигрывал.

С того самого первого вечера, когда спорт этот вошел в наш досуг, так повелось, что ставкой на каждый кон стала пачка сигарет. И сиги у нас на курсе стали разменной монетой, валютой, и самым ходовым товаром наряду с домашним салом (деревенских на курсе много было, и посылки к ним приходили регулярно) и шоколадными конфетами.

Почему-то родители служивых чад были уверены, что это самые главные продукты, которые непременно необходимы в школе милиции. Каждому второму приходила посылка с салом, конфетами и шерстяными носками.

– Прямо хоть носочный базар открывай, – как-то прищипнул, глядя на очередные посылки, румяный и вечно чем-то довольный Кот.

Все засмеялись нестройным хором. Впрочем, шуткой это оставалось недолго. Потом наш командир отделения стал эти носки за бесценок у нас зачем-то выменивать. Мы сначала не поняли. Нафига ему столько? Но когда первокурсников стали в увольнительные выпускать, кто-то обнаружил свои носки (приметные были, со снежинкой на голяшке) на рынке в продаже у бабушек, что реализовывали свою предпринимательскую жилку, приторговывая солеными грибочками, самотканными лоскутными половиками и курсантскими носками. Предприимчивый Кот сдавал их по «оптовой» цене. Как говорится – и волки сыты, и ноги в тепле. Правда, толь-

ко не у курсантов.

* * *

Пролетали недели, месяцы. Учеба, что называется, перла. Преподавательский состав на кафедрах собрался не такой отсталый, как я поначалу опасался. А очень даже ничего. Для новой школы привлекали профессуру со стороны, пока не разжились собственными аттестованными кадрами.

Поэтому некоторые занятия у нас проводили гражданские преподаватели из Новоульяновского пединститута, люди интеллигентные и приятные. Просто глаз отдыхал на их пиджаках, галстуках-подтяжках и прочем, чем обычно люди один от другого в социуме отличаются.

Пользуясь возможностью, я подтянул свои знания по некоторым дисциплинам, к которым в студенчестве относился спустя рукава (молодой был, девочки, дискотеки и другие увеселительные занятия не давали с головой окунуться в учебу).

А тут даже если захочешь, то не отлынишь. Если на гражданке можно забить, выключить будильник и не пойти на пары, то тут подводная лодка. Хочешь не хочешь, а каждое утро на занятиях торчать будешь. Посещаемость поэтому была почти стопроцентная. Пропускали лишь по уважительным причинам: наряд или если в госпиталь слег.

Учиться мне даже понравилось. Сам от себя не ожидал.

Конечно, многие лекции казались наивными, если сравнить с суровой практикой, которой я успел хапнуть. Но теоретические предметы заходили на ура.

Тяга к знаниям у людей, я считаю, генетически заложена. Потому-то мы и смогли из мартышек в свое время переродиться. Оно ведь как было, если ты первобытный балбес и не хочешь слушать рассказы вождя о том, где лучше малину или другие бананы собирать, не хочешь учиться и познавать мир, то при первой вылазке за орехами тебя тут же слопают медведь или саблезубый крот. Поэтому интерес к новому – родственник инстинкта выживания, кровный. Чем любопытнее ребенок, тем больше шансов у него перенять опыт предков, навалать кроту и вернуться целым и с трофеями.

Самым тяжелым предметом считалось уголовное право. Ребята часто заводили глаза к потолку, едва видели такую строчку в расписании. Вел его у нас скудоусый гражданский мужичок довольно-таки зрелых лет, когда с мамой уже точно никак не живут. Доцент в подстреленных штанишках.

Поговаривали, что преподавание – это вся его жизнь, потому как другой не было. Ни жены, ни детей, только собака, кошка и мать. Которая, судя по его затравленному виду, держала сыночка в рукавицах из меха галапагосского ежа.

Но это он только с виду был сморчком. В своей дисциплине считал себя минимум Богом, а то и самым дьяволом. И считал товарищ Зверьков, что все курсанты, включая даже троечников в десятом поколении, должны знать его предмет,

как отче наш. Остальные предметы, конечно же, не важны. А вот уголовное право...

– Не отвлекайтесь, Петров.

– Вы мешаете товарищам внимать, Петров.

– Этот вопрос не имеет ни малейшего отношения к нашей лекции, Петров.

Вот, что я слышал от него чаще всего. Да, с первых дней Зверьков меня почему-то невзлюбил. Не мог повлиять на курсанта, который всегда готов был вступить в дискуссию по поводу субъективной стороны преступления. Я-то практик, а он – на старых советских книжках взращен. Мои познания складывались на практике, а он реальное преступление только на страницах учебника видел.

В общем, товарищ Зверьков на протяжении всего семестра без зазрения совести клепал мне тройки. Ниже оценку поставить не мог, так как я все-таки готовился, а выше ему ЧСУ (чувство собственной уязвимости) не позволяло. Относился я к его нападкам снисходительно. Как волк, которому котенок хвост грызет.

Бывает так, когда собственные неудачи человек пытается компенсировать за счет подавления себе подобных. Курсанты его побаивались. Со второго курса сочились слухи, что аж четверых в прошлом году отчислили, которые ему так и не смогли сдать уголовку.

Я уже предполагал, что на экзамене паршивый котенок превратится в тигра и попытается со мной покончить. По-

этому предусмотрительно с головой ударился в это злосчастное уголовное право.

Наука оказалась не самая нудная. Тем более, было интересно взглянуть на все с ракурса семидесятых. Сейчас были в кодексе прописаны такие забавные составы преступлений, за которые в мое время даже административный штраф не предусматривался. Например, «Голубую Луну» Борис в семидесятые никогда бы не смог спеть, так как отбывал бы наказание в виде лишения свободы за то, что разделяет взгляды на гендер старины Элтона Джона.

Короче, стал я грызть гранит уголовки с удвоенным рвением. Во-первых, не хотелось повторить судьбу тех четверых, во-вторых не собирался доставлять удовольствие Зверькову меня завалить.

Полгода пролетели незаметно. Сессия пришла с первым снегом. В этом году его в Новоульяновске долго не было. Вся страна готовилась к олимпиаде, а мы к сдаче уголовного права. Наступил черный день испытаний для всего курса. Седьмое января 1980 года.

Уголовку нам вlepили первым экзаменом прямо в рождество, о котором здесь, естественно, никто и не слыхивал. Первым – чтобы если кто не сдаст, дальше могли не слишком напрягаться. Ведь если Зверек сразу завалил, то шансов пересдать успешно – катастрофически мало.

Если до этого в казарме стояла зудящая тишина усиленной зубрежки, то сегодня с утра было шумно и одновремен-

но как-то траурно. На экзамен, как на праздник. Курсанты в белых форменных рубашках, и только сволочь Зверьков сегодня какой-то помятый. Видать, всю ночь не спал в предвкушении моей экзекуции. Но я тоже не вчера родился, и даже не позавчера. Если честно, то я вообще еще здесь не родился. Но опыту жизненного хлебнуть успел поболее товарища в коротеньких штанишках. Знал, что он острогу точит и на охоту собирается.

Шел я на экзамен, как Наполеон на битву. При параде и подготовленным. Если Зверьков – не Кутузов (глаза у препода вроде оба целы), то шансы у меня есть. Главное, не дать противнику окружить себя дополнительными вопросами.

Сдавали всем курсом в большой лекционной аудитории. Я пошел тянуть билет. Чемпики буквально сквозь зубы прошипел мне в спину:

– Не ввязывайся...

Зверьков сонным взглядом лениво следил за действием, делая вид, что ему все равно, и даже иногда зевал. При этом его поросшая пухом подростковых усов губа мерзко дергалась.

Я взял билет, и сердце забилося чаще.

– Билет тринадцать, – отчеканил я, глядя, как препода торжествующе записывает мой номер себе в ведомость.

Глава 6

Первый вопрос попался легкий: «Состав преступления: понятие и значение. Виды составов преступлений». Это любой сотрудник знает, кто хоть как-то с уголовно-процессуальной деятельностью сталкивался. Но вот второй вопрос... Я даже не знал, что статья-то такая есть в УК РСФСР.

Как-то пропустил ее, когда готовился. Бывает. А звучал второй вопрос даже абсурдно: «Статья 232. Уплата и принятие выкупа за невесту».

Во как... Интересное преступление. Оказывается, при советской власти ответственность была за деяния, которые признавались пережитками прошлого. Разное можно было найти в уголовном кодексе. Например, перлы типа: «Уклонение от примирения» и преступления, связанные с похищением этой самой невесты. Ну это еще можно понять. Невест красть нежелательно, если только они сами этого не хотят. И мстить по праву кровной мести тоже не есть гуд. А вот за калым наказывать...

Вздыхнул и сел готовиться. Зверьков уловил на моем лице озабоченность и немного оживился. На стуле заерзал, и крысиные глазки его заблестели.

Вот, гад. Постоянно на меня косится. Видно, хочет со шпорой спалить. Только не выйдет. Шпор у меня нет. Сам их никогда не изготавливал.

Когда на истфаке учился, конечно, пользовался шпаргалками иногда. Но не своими. Таким добром нас девочки-одногруппницы снабжали. Помню, выходит кто-то из них из экзаменационного кабинета с лицом, полным волнения и радости, будто замуж вышла только что, и непременно восклицает:

– Кому шпоры?!

Такой вопрос означал, что студентка удачно сдала, и пикульки ей больше не понадобятся. Девочка начинала вытаскивать из всех своих интересных мест испещренные мелким аккуратным почерком «фантики», а парни набрасывались на них, как куры на зерно. Если шпоры оказывались дельные – структурированные, понятные, компактные и информативные, то на них выстраивалась очередь. Приходилось тогда выстраивать некий порядок захода в кабинет безшпоровых. Чтобы потом благополучно передавать «гармошки» друг другу в коридоре.

Случалось, и мне перепадали шпаргалки. Особо я за них не бился, ведь пользоваться ими все равно не умел.

Всегда завидовал девчонкам, что с наглой моськой могли списывать прямо под носом у препода. Я же, когда доставал заветный листочек, вдруг краснел и начинал суетиться. Делал много лишних движений, постоянно озирался.

Мне казалось, что не только препода смотрит на меня, но и весь мир за мной бдит. Чувствовал себя мошенником и прохвостом и ждал, когда меня застукают и выгонят из кабинета.

Вот и сейчас хотел было стрелкнуть у кого-нибудь ответ на каверзный второй вопрос, но прикинул и решил, что лучше не рисковать, учитывая особый интерес преподавателя к моей персоне. Буду тащить себя из болота за косичку своим умом.

Будем рассуждать логически. Преступление с выкупом – по категории явно небольшой тяжести, значит, срок за него предусмотрен минимальный. Год, не больше. Либо, как альтернатива, исправительные работы – тоже на этот срок. Так, с санкцией определились. Теперь диспозицию бы воспроизвести.

О чем вообще статья-то?... Раньше выкуп давали за невесту ее родителям. Зачем? Чтобы компенсировать потерю трудовых рук в семье. Забрать женщину из одного трудового рабства в другое. Соответственно, рабовладельцу надо заплатить калым. Ага... Деньги раньше не в ходу были, и платить могли, например, баранами, лошадьми и другими верблюдами. Золотом тоже. Но на золото сейчас монополия государства, значит, в статье его не будет.

Прикинув возможные варианты, я родил эту самую несчастную статью. Записал собственное произведение на отштампованный лист: «Принятие выкупа за невесту родителями или родственниками в виде денег, скота или иного имущества – наказывается лишением свободы на срок до одного года (естественно, с конфискацией выкупа, куда же без нее) или исправительными работами (и конечно же, тоже с кон-

фискацией выкупа)».

Перечитал и порадовался. Из меня бы вышел неплохой законодворец. «Может, надо было на юрфак поступать?» – мелькнула в голове дурная мысль, которую я быстро прогнал, вспомнив, каким кайфом для меня было всегда раскрыть очередную темную. Даже уже будучи в годах, радовался каждому раскрытию, как молодой лейтенант своему первому удачному делу.

Тем временем первые сдающие уже потянулись к столу Зверькова. Самые смелые – они же и оказались самыми подготовленными. Отвечали уверенно и, на мой дилетантский взгляд, довольно неплохо. Зверек слушал их со скучающим видом, с трудом терпя до конца, и дополнительно ничего не спрашивал. На меня все поглядывал.

Удивительно. А говорили, что он кучу вопросов задает и валит. Но, очевидно, он сменил тактику. Так сказать, заманивал крупную дичь, то есть – меня. Дескать, смотри, как просто сдавать мне экзамен. Давай уже, Петров, расслабься и иди, отвечай!

Перед смертью не надышишься, и я пошел следующим. Но Зверьков не дал мне сесть, а вызвал вдруг предо мной другого. А потом следующего. Четыре раза он не давал мне начать, мариновал, падла! Наконец я добрался до его стола.

Зверьков потирал потные ручонки.

– Первый вопрос, – начал я свой рассказ и хотел зачитать название вопроса, но препод меня вдруг оборвал.

– Давайте сначала второй, – видно, решил меня сразу сбить с толку.

Второй так второй. Ответ я на него выдумал, сейчас посмотрим, насколько получилось близко к оригиналу.

Я рассказал, как звучит статья, ответственность, предусмотренную за деяние, после приплел туда выдуманную мной же судебную практику (у каждой уважающей себя статьи она есть). Рассказ вышел ничего себе так. Очень правдоподобно.

Зверьков хмурится, потому что держусь я спокойно, отвечаю уверенно. В середине моего ответа он встаёт, и как ни в чем не бывало молча выходит из аудитории, и через минуту возвращается с кружкой чая.

– Продолжайте, – говорит он мне, будто бы и не выходил.

– По второму вопросу у меня все, – сказал я.

– Давайте первый тогда.

До второго не докопался. Странно. Но не стоит расслабляться. Тактика, наверно, у него такая.

Первый знаю, как отче наш, но победу праздновать рано. Мелкий пакостник явно что-то задумал, чего я не могу разгадать.

Начинаю рассказывать. Зверьков вдруг неожиданно достаёт из портфеля засохший пряник, разламывает его на две части и одну начинает макать в чай. Потом, мерзко причмокивая, начинает его рассасывать. На меня это никак не действует, тогда он решил ударить по моей брезгливости (про-

знал же, гад).

Выплюнул кусок пряника обратно в чай. Потом выудил его ложечкой и снова зажевал.

Меня передернуло, но я стойко продолжал. Зверьков стал меня перебивать и спрашивать абсолютно левые темы, никак не соотносящиеся с моими вопросами. Я уже и про объект, и про субъект преступления ему рассказал, и про форму вины, и даже дошел до специальной части УК. А он все спрашивает, гад, и спрашивает.

Я постепенно раскрываю уже весь курс уголовного права. Мельком вижу, как остальные курсанты спешно записывают за мной. Как только кто услышит ту тему, что как раз у него в билете, строчат, аж ручки дымятся.

Увидев, что информация моя не уходит впустую, а ложится в праведное дело борьбы с экзаменатором, я начинал излагать мысли помедленнее. Пусть товарищи подробненько все запишут. Хоть этим Зверькову отомщу. Жаль, что преподам морды бить нельзя. Так уже ходил бы он с фингалом еще час назад. Когда я только сел отвечать.

Времени прошло много, но я кремень. Зверьков понял, что тактика «пряника» со мной не работает, и снова начал меня перебивать. Вставлять какие-то дурацкие «заклепки» и уточняющие вопросы, которые были совсем не уточняющими, а скорее доскрёбами.

Я уже треть учебника пересказал. Мне несложно. Готовился же. А Зверьков психует, ножкой дергает, пальцами по

столу барабанит, всячески сбить меня пытается.

Тут в аудиторию заходит методист.

– Вениамин Карпович, – обратился он к преподавателю. – Извините, что прерываю, тут нужны ваши подписи. Срочно.

– Да, конечно, – Зверьков демонстративно берет ведомости, ставит в них закорючки, а мне кивает:

– Вы продолжайте, продолжайте.

А сам начинает перебрасываться дежурными фразами с методистом. Вот, сука! Тогда я прибавляю громкости.

Препод продолжает шумно перелистывать ведомости, тыкает в строки пальцем, что-то спрашивает методиста. Из-за собственного голоса я не слышу.

Методисту уже становится неудобно передо мной.

– Может, я попозже зайду? – спрашивает он Зверькова. – Или потом сами зайдете в методкабинет.

– Нет, что вы?! – восклицает Зверек еще громче меня и машет перед моим лицом кривыми ручками. – Я сейчас все подпишу. Подождите минуту.

Был бы я студенткой-отличницей, на меня это могло бы подействовать. Но на меня и не такими руками махали. Продолжаю рассказывать, добавив в голос издевательской монотонности. Смотрю, курсанты уже приноровились ко мне и записывают не спеша.

А вот методист уже несколько раз порывался уйти. Но Зверек в папку с ведомостями вцепился крепко. Как кот в мышь. Методист вежливо пытался ее отнять и смыться, но

проиграл схватку за бумаги. Зверьков чуть ли не распластался на них, и делал вид, что внимательно их изучает, периодически хмыкая и восклицая:

– Интересно! Ой, простите! Я не там подпись поставил. А где нужно было? Здесь? Или здесь?

– Ничего страшного, Вениамин Карпович, – уже раздраженно, но чтобы не мешать мне, вполголоса отвечает методист. – Я все поправлю. Вы вот здесь просто распишитесь, и я пойду уже.

Думаю, по хрипотце в моем голосе он догадывается, что этот экзамен уже стал для меня бесконечным Сизифовым восхождением.

– Здесь? – Зверьков же в ответ медленно проводит пальцем по графам, будто бы сверяя нужные строки, но подписывать не торопится. Берет опять кружку с чаем и начинает шумно прихлебывать.

В это время методист, улучив момент, подхватывает бумажки и спешно выходит из кабинета, бросая на ходу:

– Не забудьте зайти сегодня в методкабинет, вы не везде еще расписались.

В его голосе уже нет учтивости, а сквозит еле сдерживаемое раздражение.

Я закончил отвечать. Держусь эффектно, откинувшись на спинку стула. Нога на ногу. Лицо невозмутимое, будто я балет по телеку смотрю, а не экзамен полтора часа кряду отвечаю.

Зверькова передернуло, но он быстро взял себя в руки. Попробовал еще погонять меня по предмету. Задал еще дурацкий вопрос.

— Это же я уже рассказывал, — ответил я, состряпав недоуменный вид. — Еще раз повторить?

— Нет, не надо, — поморщился тот и сказал. — Назовите основные принципы уголовного судопроизводства.

— И это я вам рассказывал, — в этот раз я соврал, нащупал слабое место Зверька. Он теперь не знает, что пропустил в моих ответах, пока пытался сбить меня.

Тогда препода выудил из своего арсенала каверзный вопрос, стоящий на стыке уголовного права и других наук, чуть ли не хиромантии. Явно не по программе.

Я замолчал. У Зверькова торжествующе блеснули глазки. Невдомек ему, что паузу я специально сделал. Типа раздумывал. Но это для него вопрос кажется каверзным. А я все-таки историк по образованию. И рассуждать о «высших материях» и молекулах бытия обучен. Правда, с первого моего студенчества много воды утекло, но я ещё и любил на историко-публицистические темы передачи разные смотреть по телевизору. Подкованность в этом вопросе у меня немного осталась. Выложил я ему свое видение на «правду жизни».

Тут препода совсем задергался. Свою нижнюю губу чуть не отжевал. На стуле заерзал. Схватился за кружку с чаем, а она уже пуста оказалась. Вытащил оттуда ложечку, облизнул. Снова засунул ее в кружку. Снова вытащил и облизнул,

зубами по ней клацнув.

Тем временем я закончил отвечать и резко сменил монотонное повествование на возглас:

– У меня все, Вениамин Карпович!

Тот аж подпрыгнул на стуле. Глазенками завращал, наконец, взял зачетку и смотрит на меня крысиным взглядом:

– Даже не знаю, что вам поставить...

Вот, гаденыш! Еще и с оценкой меня мурыжит. Ясен пень, что выше тройки не нарисует. Но меня и «международная» устроит. В отличники не стремлюсь. Для меня главное не процесс, а диплом. А красный он будет или фиолетово-зеленый, мне параллельно. Диплом мне нужен будет (если все пойдет как планирую) только лишь раз в жизни, для кадров, когда обратно в УВД вернусь.

А Зверьков сидит, затылок почесывает. Платочек достал даже и сморкнулся пару раз. В думках весь. Потом снова берет мою зачетку и громко объявляет, собираясь вписать оценку:

– Удовлетворительно!

И тут происходит невероятное. Курсанты, даже те, кто не шишко в учебе преуспел и рисковал не сдать предмет, сначала глухо зароптали. Потом, подхватывая друг за другом, возмущенно воскликнули:

– Вы издеваетесь?! Да Петров знает больше вас! Почему тройка! Два часа отвечал! Все ответил!

Чтобы возмущения не переросли в бунт, Зверьков рети-

ровался. Что-то начертил в зачетке и швырнул ее мне. Я не спеша взял и, раскрыв, посмотрел на графу с оценками. Там коряво дрожащей рукой было выведено слово: «Отлично».

Вышел я из кабинета победителем. Следующие курсанты выскакивали быстро. На меня все силы упырь потратил и больше никого не мурыжил. Сдали все кроме одного курсанта, что на экзамен не явился.

Глава 7

– Исхудал-то как, совсем тебя там не кормят! – причитала мать.

После этих слов она снова повисла у меня на шее, даже не дав скинуть форменные ботинки. Я топтался в прихожей родительской квартиры и обнимал мать в ответ. Виделись мы редко. Как-никак это была всего третья моя увольнительная за несколько месяцев учебы. Улучив момент, я освободил одну руку и протянул ее отцу, который пытался ко мне пробиться.

– Мам, мой вес не изменился. Ты просто давно меня не видела.

– Не наговаривай, Поля! – поддержал отец, радостно тряся мою руку. – Настоящий мужчина не пузом велик должен быть, а плечами. Все у него нормально!

– Да ты посмотри на его лицо! – не унималась мать, наконец, от меня отлипнув. – Где щеки? Где румянец? Кожа да кости!

– Ну, щек у меня никогда не было, – улыбнулся я. – А кожа бледнее стала – так зима на дворе. Солнышка меньше.

Мать смахнула рукавом ситцевого халата слезы радости:

– Проходи скорее, рассказывай, как ты там? По-прежнему нравится учиться? Совсем не звонишь. Когда у вас каникулы уже? Приходишь раз в вечность, только сердце бередишь.

– Мам, я же тебе говорил, у нас не каникулы, а отпуск. Мы не студенты, а сотрудники. И зарплату получаем, а не стипендию.

– Да помню, – отмахнулась она, – лучше без всяких зарплат и стажа, но домой бы вас почаще отпускали.

– Уже скоро. До февраля немного осталось, там отпуск каникулярный целых две недели будет. А потом обещают отличившихся в учебе на каждом выходных в увольнение отпускать. Троек у меня нет, так что, надеюсь, буду в числе этих самых отличившихся. Сказали, что курс наш устаканился, все неблагонадежные отсеялись, и теперь нас можно в город выпускать.

– Ну, слава Богу, хоть видеть тебя чаще буду. А то ты опять сегодня, чувствую, дома не весь день пробудешь. К Соньке убежишь. Я борщ сварила. Твой любимый. Вымой руки, а я побежала накладывать. Тебе мяса побольше? Как всегда?

Я не стал спорить, для мамы я всегда выглядел голодным. Но по ее борщу с янтарными «прожилками» я тоже соскучился.

В школе нас кормили неплохо. Но разнообразия не наблюдалось. Особенно перебор с капустой был. Продуктовый склад забили квашенным салатом под завязку, и бигос ели почти каждый день в самых разных его вариациях. До учебы в школе милиции я и не подозревал, сколько, оказывается, блюд можно приготовить из квашеной капусты.

– Ты как поживаешь? – пока мать суежилась на кухне я, наконец добрался до отца. – Что на работе нового?

– Да разве это работа, – отмахнулся отец. – Уголь в топку швырять да давление сбрасывать. А у меня, между прочим, высшее журналистское. Только волчий билет мне выдан. Даже в школу учителем не взяли, не говоря уже про газету. Но зато график удобный в кочегарке. Сутки там, а двое дома. Во, смотри! Обои в зале поменял и окно покрасил. Есть время теперь по дому заниматься. Не то, что раньше. Мотался с репортажами по области каждый день. А потом ночами статьи клебал. И выходных-то толком не видел.

Последние слова отец произнес с какой-то грустью. Будто пытался убедить себя, что заурядный кочегар – гораздо лучше, чем успешный журналист.

– Какие твои годы, – похлопал я его по плечу. – Ты у меня еще молодой. Найдешь другую работу. Слушай... А хочешь, я с Гошей поговорю? У него связей в городе, как зерна в колхозе. Мигом найдет тебе тепленькое местечко.

– Никогда Петровы ни у кого ничего не просили, – отец многозначительно поднял палец вверх. – Сам разберусь. – Отец понизил голос и еле слышно добавил. – И потом. Гоша последний человек в городе от кого бы я хотел принять помощь.

– Гордый какой нашелся! – из кухни выглянула мать. – Только о себе и думаешь. А у тебя семья вообще-то. Что плохого, если тебе помогут? Правильно сынок предложил.

– Молчи, женщина, – улыбнулся отец. – Мужики сами разберутся. На той неделе на завод схожу. Может, там клерки нужны. В кадры или еще куда.

– Уже месяц ты туда идешь, – мать уткнула руки в бока. – Только я сомневаюсь, что платить будут там больше, чем ко-чегару. Ну хоть стирки меньше будет и дымом от тебя не будет нести. Вот, чтобы в понедельник и сходил. Ясно?

Назидательное выражение лица матери сменилось на улыбку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.